

HAL
open science

Богу работник, царю слуга. Отечеству гражданн

Joukovskaia Anna

► To cite this version:

Joukovskaia Anna. Богу работник, царю слуга. Отечеству гражданн. Дмитрий Серов; Игорь Федюкин; Анастасия Видничук; Анна Жуковская. Письма и бумаги прибыльщика Алексея Курбатова (1700-1720-е годы), Высшая школа экономики, 2023, Новые источники по истории России. Rossica Inedita, 978-5-7598-2329-2. <10.17323/978-5-7598-2329-2>. <hal-04198515>

HAL Id: hal-04198515

<https://hal.science/hal-04198515>

Submitted on 7 Sep 2023

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

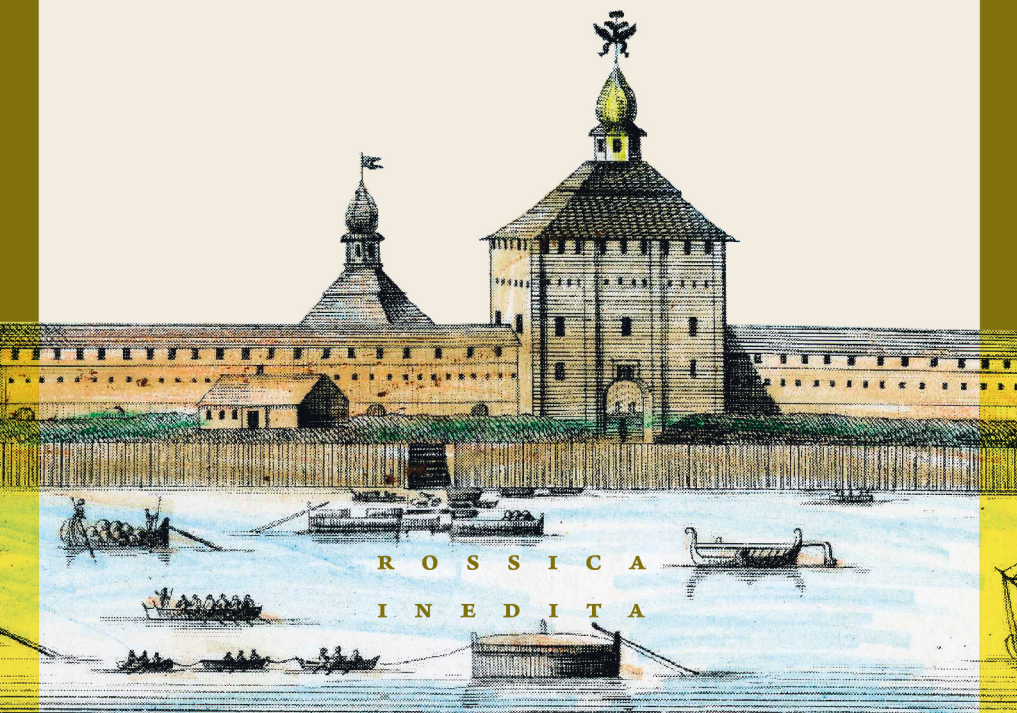
L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Copyright

Н О В Ы Е И С Т О Ч Н И К И П О И С Т О Р И И Р О С С И И

ПИСЬМА И БУМАГИ ПРИБЫЛЬЩИКА АЛЕКСЕЯ КУРБАТОВА

(1700–1720-е годы)

ROSSICA
INEDITA

Новые источники по истории России. ROSSICA INEDITA

«Долгий» XVIII век — один из самых изученных периодов в истории России: завоеваниям, реформам и романам Петра I и Екатерины II посвящены десятки и даже сотни работ. Казалось бы, ожидать каких-то новых архивных находок здесь не приходится. На самом же деле российские и европейские архивы до сих пор полны интереснейших документов, которые или почти не использовались историками, или вообще оставались им неизвестными. Дневники и личная переписка как знатных вельмож, приближенных к царской семье, так и рядовых офицеров и чиновников, проекты преобразований и теоретические трактаты — источники эти зачастую проливают свет на те закоулки эпохи, куда мы и не догадывались заглянуть, заставляют нас иначе оценить хорошо известные нам события. Серия Издательского дома Высшей школы экономики продолжает сложившуюся с XIX века традицию публикации новых архивных источников по истории России.

Богу работник,
царю слуга.
Отечеству
гражданин

Анна Жуковская

В своей книге «Администрация Петра I» Д.О. Серов с особенной яркостью на основе большого количества новых архивных источников показал, насколько важным для реконструкции и интерпретации эпохи реформ первой четверти XVIII в. является изучение биографий второстепенных сотрудников царя, скрывающихся в тени более крупных фигур¹. Одним из таких персонажей был Алексей Александрович Курбатов — инициативный, находчивый и многогранный администратор, чья деятельность позволяет увидеть, что по типу поведения и понятиям приказные дельцы, в которых историки иногда слишком торопятся разглядеть черты бюрократии XX в., не очень сильно отличались от частных предпринимателей².

Государственное управление России в эпоху Петра I было очень своеобразным — не только по сравнению с сегодняшними практиками, но и на фоне предшествовавшего столетия. Во второй половине XVII в. двухсотлетний опыт функционирования приказов привел к тому, что система управления Московским государством достигла значительного уровня развития и стабильности. В главных столичных учреждениях (по контрасту с провинциальными) действительно наличествовали отдельные черты веберовской бюрократии. Здесь начальники высшего и среднего звена, вступавшие в ту или иную должность, обыкновенно обнаруживали в своем распоряжении готовые и достаточно эффективные административные структуры и процедуры, имели постоянный штат, архив и бюджет. В результате дело не полностью зависело от лиц: как правило, можно было заменить одного исполнителя на другого без большого ущерба для процесса управления³.

При Петре I, однако, ситуация заметно изменилась, причем отнюдь не в сторону развития рациональной бюрократии⁴. По меткому выражению П.Н. Милюкова, «учреждения выступали с совершенно личным характером и обнаруживали такие свойства, какими обыкновенно отличаются только частные лица, когда дело касается денежных интересов»⁵. Во-первых, царь привлек к управлению людей, которые лишь отчасти разделяли административную культуру московских дьяков. Во-вторых,

¹ Серов Д.О. *Администрация Петра I*. 2-е изд., испр. и доп. М.: ОГИ, 2008.

² Федюкин И.И. *Прожектеры: политика школьных реформ в России в первой половине XVIII века*. М.: НЛЮ, 2020. С. 13–53, 351–354.

³ Новохатко О.В. *Разряд в 185 году*. М.: Памятники исторической мысли, 2007.

⁴ Анисимов Е.В. *Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997; Редин Д.А. *Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.)*. Екатеринбург: Волот, 2007.

⁵ Милюков П.Н. *Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого*. 2-е изд. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1905. С. 335.

он поставил перед аппаратом управления множество принципиально новых задач, для выполнения которых не существовало разработанных процедур и инфраструктуры. Сегодняшние бюрократии располагают штатом квалифицированных специалистов в любой, даже самой узкой, области. Эти люди способны и *обязаны* разрабатывать всякую новую структуру с учетом эксплицитных и детальных норм и правил, причем для индивидуального мышления остается довольно скромное пространство. Напротив, в петровское время каждый начальник, которому было доверяемо новое дело, оказывался своего рода «административным предпринимателем» (пользуясь термином И.И. Федюкина), целью которого было превратить полученное им личное поручение в учреждение. Царь требовал от своих слуг результатов, но предоставлял им почти полную свободу в выборе средств их достижения, по крайней мере до тех пор, пока он сам не увлекся реформой центрального управления по шведскому образцу и не засадил своих вельмож за изучение иностранных «регламентов» и сочинение по их модели уставов, штатов и бюджетов для российских учреждений⁶.

Первые годы пребывания Курбатова на царской службе стали для него временем интенсивного административного предпринимательства. Алексей Александрович брался за самые разные поручения и некоторые из них успешно превращал в долговечные учреждения и даже институты российского общества. При этом, выбирая доверенных помощников, он решительно порывал с московской приказной средой, тогда как в выборе методов, напротив, оставался по большей части в рамках традиций. Главным козырем Курбатова, долгое время обеспечивавшим успех его деятельности, было умение поддерживать патрон-клиентские отношения с нижестоящими сотрудниками. В этом плане он отнюдь не был исключением в своем поколении администраторов, и именно этим в значительной мере объясняется неуспех предпринятой Петром в последние годы царствования попытки бюрократизировать управление. Пока среди исполнителей высшего и среднего звена продолжали играть заметную роль люди с курбатовским стилем мышления и *modus operandi*, всякая новая административная схема должна была принимать во внимание существующие межличностные связи, причем одни из них можно было принести в жертву рациональной логике, однако другие оказывались сильнее, а то и эффективнее таковой.

Главные направления административной деятельности Курбатова, исследование которых было начато в работах Д.О. Серова, И.И. Федюкина и моей собственной (а именно: введение гербовой бумаги, реформа

⁶ Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Stockholm: Nordiska Bokhandeln, 1979.

регистрации частных актов, заведывание Навигацкой школой, управление Ратушей, борьба с коррупцией), не только ярко отражают перемены, происходившие в обществе и государственном управлении в начале XVIII в., но и занимают важное место в российской истории в целом, ибо эта будничная, казалось бы, деятельность имела глубокие и длительные последствия, выходящие за рамки петровского царствования. Публикуемая переписка позволяет рассмотреть некоторые из этих тем более подробно, чем это было сделано ранее, и вновь задуматься над отдельными вопросами, оставшимися без ответа. Однако прежде чем приступить к рассмотрению конкретных служебных занятий Курбатова, следует остановиться на его общих представлениях о службе как праведном образе жизни, а также на должностных отношениях как особой форме патрон-клиентских связей.

Служба как служение

Насколько мы можем судить, Алексей Александрович Курбатов пользовался доверием и уважением своего первого господина, боярина Б.П. Шереметева. Во время дипломатического путешествия боярина по Европе в 1697–1698 гг. отношения между хозяином и слугой были тесными и вполне безоблачными и ничто не указывало на возможность скорой и резкой перемены в судьбе последнего. Однако уже в 1699 г., почти сразу же после их возвращения из-за границы, Курбатов оставил Шереметева, вступил на царскую службу и в дальнейшем с необыкновенной быстротой проложил себе дорогу в высшие правительственные сферы.

Какие соображения побудили Курбатова без видимой причины порвать со своим господином, богатейшим и влиятельнейшим вельможей? Алексей Александрович жил в эпоху, когда западноевропейская традиция фиксировать в дневниках или мемуарах мотивацию собственных поступков еще не получила распространения в России, поэтому ответ на данный вопрос неизбежно носит гипотетический характер. Покидая боярскую службу ради царской, Курбатов едва ли понимал этот шаг как обретение воли. Безусловно, исполнение обязанностей доверенного слуги в доме боярина на рубеже XVII–XVIII вв. продолжало, как и в отдаленную эпоху Русской Правды, накладывать значительные ограничения на личную свободу. Положение такого слуги больше всего напоминает статус несовершеннолетнего: пока отношения подростка с родителями остаются безоблачными, он может не ощущать своей зависимости, однако достаточно появления малейшей напряженности, чтобы зависимость стала явной и болезненной. Положение боярских слуг мало зависело от юридических

формальностей, в частности от наличия письменного контракта о поступлении в холопство («крепостная запись» Курбатова до сих пор не обнаружена, и не исключено, что он служил Шереметеву в качестве вольного слуги). Несмотря на очевидность и ощутимость правовых ограничений, накладываемых этим статусом, неизбежная для нас сегодня ассоциация личной зависимости холопа с унижением, эксплуатацией, произволом и несправедливостью не была столь же безусловной в глазах обитателей Московского государства. Служба отнюдь не воспринималась обществом как форма рабства. Однозначно негативный взгляд на личную зависимость слуги от хозяина начал вырабатываться в Европе в течение XIX в. Вместе с тем контраст между статусом привилегированного боярского холопа и положением высокопоставленных слуг царя — бояр и дворян, — которые также называли себя «холопами» своего государя, выглядел менее резким в обществе, где понятие «воли» не только не относилось к разряду абсолютных ценностей, но, напротив, ассоциировалось с состоянием бездомности и неприкаянности — с «шатанием меж двор».

Таким образом, с точки зрения Курбатова, отличие «боярского человека» от царского слуги должно было заключаться не столько в меньшем объеме индивидуальных прав, сколько в сравнительной узости открывающегося перед ним поля деятельности и карьерных перспектив. Как бы ни был богат и могуществен Шереметев, даже самый доверенный из его «подданных» оставался не более чем холопом царского холопа. Не исключено, что Курбатову, который во время европейского путешествия иногда представлялся (в конспиративных целях) ровней своего господина и даже ходил в костюме его сына, по возвращении в Россию стало тесно за спиной боярина и это побудило его перейти в категорию непосредственных слуг «великого государя»⁷.

Изначально представление Курбатова об идеальном государственном администраторе сливалось с образом верного слуги царя. Это видно, в частности, из того, что главной заботой Алексея Александровича было выстраивание личных отношений с Петром. Такое поведение отнюдь не

⁷ Интересный для сравнения пассаж есть в мемуарах Гавриила Добрынина, который фиксирует свои размышления по поводу возникшего у него желания покинуть службу в архиерейском доме и поступить на должность в царской администрации. В частности, служа келейным севского архиерея, Добрынин полагал, что «родившись человеком, не имею прочного названия в обществе», и ощущал потребность «приискания основательного и значущего состояния» (*Добрынин Г. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, прожившего 72 г. 2 м. и 20 дней, им самим писанная в Могилеве и в Витебске, 1752–1823. СПб.: Печатня Головина, 1872. С. 123, 144; см. также с. 54–55*).

являлось традиционным для рядовых дьяков. Как правило, только дьяки высшей категории, так называемые думные, которых никогда не бывало более десяти человек одновременно, пользовались правом прямого доклада государю. Однако в петровское царствование даже они старались по возможности избегать сомнительной привилегии непосредственного контакта со вспыльчивым, памятьливым и скорым на расправу самодержцем: «А дьяки наши, — писал с презрением к их трусости один посвященный в придворные секреты современник, — всегда за дверями стоят»⁸. Курбатов, напротив, всячески стремился к общению с Петром. В первые же месяцы службы он продемонстрировал стремление выступать, во-первых, своего рода неформальным советником царя, представляя ему свое (непрошенное) мнение по самым разным вопросам, включая такие, которые далеко выходили за пределы его собственной компетенции, и, во-вторых, тайным информатором, претендующим на привилегию «безбоязненно доносить» царю «наедине» о должностных злоупотреблениях ответственных лиц.

В системе ценностей Курбатова именно царь, а отнюдь не патриарх, являлся законным представителем Бога на земле, чему не мешало существовавшее в ту эпоху представление о «симфонии» между церковью и государством⁹. Курбатов даже полагал не только возможным, но и желательным обойтись без избрания преемника умершему патриарху Адриану¹⁰. Соответственно, служба царю оказывалась нагружена религиозным содержанием: «Зри, всемилостивейший, правду мою, ею же хочу *спастися*», — писал Курбатов (здесь и далее в цитатах курсив мой. — А. Ж.)¹¹. Верные царские слуги уподоблялись в его представлении богоугодным праведникам: «твоего не краду, но наблюдаю по бозе, за что ожидаю не точию твоего, но и его, божеского, милосердия»¹². Как и божественное служение, царская служба требовала искренности и самоотдачи, вплоть до готовности к самопожертвованию, о чем Курбатов упоминал многократно в своих письмах Петру: «Не даждь мне погибнути в печали моей, ввергшагося подобно овце между волков, ей, тебе ради тако поступаю, за

⁸ Письмо секретаря Посольской канцелярии Василия Степанова будущему вице-канцлеру П.П. Шафирову от 19 декабря 1707 г. // ПиБ. Т. 6. С. 557.

⁹ Успенский Б.А. Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б.А. Избр. труды: в 3 т. 2-е изд. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 205–337; *Седов П.В.* «Все де ныне государево»: традиции и новации в церковной реформе Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / под ред. М.М. Крома и Л.А. Пименовой. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2013. С. 122–142.

¹⁰ А.А. Курбатов — Петру I, 25 октября 1700 г. (док-т № 5).

¹¹ А.А. Курбатов — Петру I, 21 октября 1706 г. (док-т № 141).

¹² А.А. Курбатов — Петру I, 21 октября 1706 г., 11 января 1706 г. (док-ты № 141 и 127).

что надеюсь не точию от тебе, но и от бога милость прйти»; «...яко богу, *всево мене обнажив* пред твоим самодержавием, известую тебе»; «усердие мое обещаюся являти тебе, государю, яко самому богу»; «Истинно желаю работать тебе, государю, без всякаго притворства, как богу»¹³. Глубинная мотивация перехода Курбатова на царскую службу, таким образом, приобретает здесь характер духовной потребности. Присягу на верность службы Курбатов неизменно называл в письмах своим «пред богом обещаием» и продолжал помнить и говорить об этом торжественном обряде много лет спустя: «А я при помощи божи не вор и доносил на него истинно, памятуя клятвенное мое пред богом обещаие, которое мы чинили при присутствии царского величества в соборной церкви, в которой присяге подтверждаемо было некого же бояться»¹⁴. Слово «бог» Курбатов подчеркивал иногда жирной чертой, как бы настаивая на неотличимости служебной присяги от священного обета. Бог не просто свидетель честной службы Курбатова, а ее конечный адресат.

Хотя служба царю и являлась в представлении Курбатова светским вариантом праведного подвига, он не испытывал при этом внутренней необходимости в отказе от мирских благ. О масштабах его финансовых appetитов судить довольно трудно, поскольку нам неизвестны условия его службы у боярина Шереметева, однако материальная заинтересованность в службе с его стороны, безусловно, имела место. Алексей Александрович не только не стеснялся с настойчивостью просить царя — еще до того, как его труды принесли какую-либо осязаемую пользу казне — о пожаловании ему дома в Москве¹⁵, но и прямо объявлял Петру о своих надеждах на благосостояние: «Молю тя, государя <...> даждь ми безбедно <...> тебе, государю, со усердием послужити»¹⁶. В дальнейшем Курбатов

¹³ А.А. Курбатов — Петру I, 11 января 1706 г.; 22 июня 1701 г. и б.д., вероятно, первая половина марта 1700 г. (док-ты № 127, 6 и 2).

¹⁴ Приложение к письму Курбатова Петру I от 22 июня 1701 г.; А.А. Курбатов — кабинет-секретарю А.В. Макарову, 27 августа 1713 г., 26 октября 1713 г., 8 августа 1714 г. (док-ты № 7, 213, 216–218, 231). Возможно, это простое совпадение, однако слово «присяга», вместо «обещаие», Курбатов начал употреблять, когда попал в опалу и находился под следствием, в письмах Петру I от 26 октября 1716 г., от 16 мая 1720 г. (док-ты № 240, 249). Заметим, что Петру I также случалось обозначать служебную присягу словом «обещаие» (см.: док-т № 227, письмо Петра I М.И. Волконскому от 3 мая 1714 г.).

¹⁵ А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 16 марта 1700 г. Здесь же упоминается челобитная с такой же просьбой, поданная Курбатовым думному дьяку Н.М. Зотову (см.: док-т № 3).

¹⁶ Приложение к письму Курбатова Петру I от 22 июня 1701 г. (см.: док-ты № 6 и 7). В эпоху Курбатова слово «безбедно» имело более широкое значение, чем сейчас, означая общее благополучие и безопасность. Однако из примеров его употребления

получал значительное ежегодное жалование (300 р. как дьяк Оружейной палаты — самый высокий оклад среди дьяков; 1000 р. во время службы в Ратуше; 700 р. в годы вице-губернаторства в Архангельске) и неоднократно добивался щедрых единовременных вознаграждений.

Письма Курбатова Петру начинались с одной и той же кратчайшей приветственной формулы: «Всемиловитейший великий государь»¹⁷. Обращаясь к царю, Курбатов избегал пожеланий здоровья и благополучия, при этом неизменно адресовал их своим корреспондентам из числа вельмож. Общие правила эпистолярного этикета как бы не распространялись на царя: в своем почти божественном величии он не нуждался в комплиментах своих «рабов»¹⁸. Контраст между цветистыми приветствиями в адрес патронов и лаконичным обращением к царю актуализировал в каждом письме представления Курбатова о власти: царь не был первым среди патронов, он стоял вне системы клиентарных отношений.

Письма Курбатова к Петру несвободны от элементов придворной лести. Однако было бы ошибкой воспринимать приведенные выше формулировки только как риторические украшения. Во-первых, будучи глубоко верующим человеком, Курбатов вряд ли был склонен употреблять такие выражения всуе. А во-вторых, представление о государственной службе как об одном из путей к спасению души разделяли многие его современники и среди светских, и среди духовных лиц¹⁹. Эти представления не только весьма далеки от современного нам функционального и безличного образа идеального администратора, но и, что еще интереснее, не совпадают с десакрализованной концепцией отношений дружбы и оммажа, воплощавшейся в фигуре королевского администратора в западных монархиях

видно, что значение материальной обеспеченности присутствовало (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 (А–Б). М.: Наука, 1975). Кроме того, для обозначения безопасности от врагов Курбатов употреблял выражения «да буду в правлении моем безбоязнен», «не предаждь меня в руки ненавидящих мене» и др. Поэтому можно предположить, что здесь «безбедно» относилось именно к доходам.

¹⁷ Редкие отклонения скорее подтверждают правило, чем опровергают его. Цветистые длинные обращения находим лишь в двух самых ранних из сохранившихся писем Курбатова, а также в письмах по особенным случаям: в письме по поводу кончины патриарха, в церемониальном поздравлении со взятием Нарвы — своего рода торжественной оде (см.: док-ты № 1, 2, 106).

¹⁸ По поводу самоназвания *раб* см.: Полонский Д.Г. Самоидентификация русского дворянства и петровская реформа эпистолярного этикета (конец XVII — начало XVIII в.) // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / под ред. Н.Н. Петрухинцева и Л. Эррена. М: РОССПЭН, 2013. С. 234–255.

¹⁹ Авраамий даже писал, что труд царя и приказных людей по управлению государством может заменять молитвы: Волков М.Я. Монах Авраамий и его Послание Петру I // Россия в период реформ Петра I / под ред. Н.И. Павленко. М.: Наука, 1973. С. 317.

уже в XVII столетии²⁰. Впрочем, с течением времени и под давлением обстоятельств воззрения Алексея Александровича на службу претерпели важные изменения. К их анализу мы вернемся в заключении, а пока посмотрим, как строились отношения дьяка Курбатова с его начальниками и подчиненными.

Патрон-клиентские связи

Публикуемое эпистолярное наследие Курбатова позволяет с уверенностью утверждать, что Алексей Александрович стремился по возможности накладывать патрон-клиентские связи на формальные отношения со своими начальниками и подчиненными. Историки используют термин «патрон-клиентские связи» для обозначения личных отношений, которые походят на приятельские или дружеские, однако отличаются от них по ряду признаков: это отношения неравные (патрон стоит выше своего клиента в социальной иерархии); для них не обязательно наличие симпатии; основой патрон-клиентских отношений становится признание обеими сторонами возможности взаимных услуг и регулярный обмен такими, в отличие от дружеских отношений, где взаимные услуги, будучи частым явлением, тем не менее не являются необходимым условием для продолжения дружбы²¹.

Патрон-клиентские связи возникали как между лицами, которые формально не зависели друг от друга по службе (Курбатов культивировал отношения этого рода, в том числе с виднейшими персонажами, такими как гетман Мазепа²²), так и между начальниками и их подчиненными²³. Возможно, в исследовательских целях было бы целесообразно ввести терминологическое различие между патрон-клиентскими связями вне формальных административных структур и внутри таковых²⁴. Заметим,

²⁰ Schaub J.-F. Francisco Leitão, commissaire à tout faire // Les figures de l'administrateur: Institutions, réseaux, pouvoirs en Espagne, en France et au Portugal, 16e – 19e siècle / sous la dir. de R. Descimon, J.-F. Schaub, B. Vincent. Paris: EHESS, 1997. P. 59–74.

²¹ Библиография по этому вопросу недавно освещена в книге: Киселев М.А., Кочегаров К.А., Лазарев Я.А. Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. Исследование и источники. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2022. С. 9–42.

²² Там же. С. 79–82.

²³ Joukovskaia-Lecerf A. Hiérarchie et patronage: Les relations de travail dans l'administration russe au XVIIIe siècle // Cahiers du monde russe. 2006. Vol. 47. No. 3. P. 551–580.

²⁴ Как предлагает это сделать Николая Шапира в новейшем исследовании роли секретарей во Франции эпохи Старого Порядка. Шапира анализирует специфику отношений «доверия в структурах власти», отличая его от патрон-клиентских связей, см. в особенности гл. 5 о Жане-Батисте Кольбере и гл. 8: *Schapira N. Maîtres et secrétaires*

однако, что люди прошлого не проводили такого различия. В отличие от нашего времени, в России XVIII столетия, как и в Европе той эпохи, патрон-клиентские отношения самым естественным образом вписывались в контекст должностной иерархии, не считаясь илlegalными до тех пор, пока не приводили к незаконным действиям. Биография Курбатова позволяет продвинуться в реконструкции этого явления. Секрет успеха Алексея Александровича заключался не только в его талантах и доверии, оказанном ему царем, но и в умении устанавливать и поддерживать отношения с покровителями и клиентами. Падение Курбатова также во многом объясняется принципами, которых он придерживался, выстраивая эти связи.

Патрон

Чин дьяка и назначение в Оружейную палату могут казаться большим достижением для выходца из холопского состояния, однако более пристальное изучение реалий петровского времени вносит в это представление определенные коррективы. Список лиц, имевших на начало XVIII столетия чин дьяка, включал более 140 имен, и лишь немногие из них играли в государственном управлении видную роль, сопоставимую с той, к которой Курбатов привык на службе у боярина Шереметева. Курбатов не располагал родственными связями в привилегированных кругах, не был богат и в приказной среде выглядел как аутсайдер и выскочка. Многие на его месте навсегда завязли бы в положении малозаметного дьяка второстепенного приказа, каким была Оружейная палата. Курбатов, напротив, в самое короткое время сумел зарекомендовать себя столь положительным образом, что уже через пять лет после начала службы получил повышение: царь поставил его во главе одной из важнейших отраслей государственного хозяйства — управления сбором налогов с городского населения.

Один из секретов успеха Алексея Александровича заключался в умении обзавестись верными помощниками. Исходное положение Курбатова относительно приказной среды не благоприятствовало формированию вокруг него сети клиентов из рядов дьяков и подьячих. Едва ли не все петровские дьяки достигли данного чина после нескольких десятилетий работы подьячими и, кроме того, были сыновьями, внуками и племянниками дьяков предыдущего столетия. Неудивительно, что они чувствовали себя в приказном аппарате как рыба в воде. Курбатов в момент своего поступления в Оружейную палату находился в совершенно иной ситуации. Каково бы

(XVIe — XVIIIe siècles). *L'exercice du pouvoir dans la France d'Ancien Régime*. Paris: Albin Michel, 2020.

ни было его социальное происхождение, он получил образование (судя по своеобразному стилю его делового языка) не в канцелярской, а в духовной среде. Будучи домашним юристом Шереметева, Курбатов, конечно, успел неплохо ознакомиться с приказными порядками, однако не сделался своим среди дьяков и подьячих. Интеграции в приказную среду мог мешать и сам характер его обязанностей. Сколько раз за годы «хождения за деды» своего господина Курбатову приходилось становиться в униженное положение просителя — хитрого и дотошного «Алешки», тонкого знатока «приказного обыкновения», умеющего лучше всякого подьячего составить и красиво написать челобитную и более памятливого на законы, чем многие дьяки! Сколько раз играл он вынужденную роль скромного, благодарного, благодушного «боярского человека Алексея Курбатова», незаметно рассовывающего рубли по карманам подьячих и неусыпно заботящегося о том, какими бы изысканными гостинцами угодить пресыщенным дьякам²⁵! Стоит ли удивляться, что, дожив в таких заботах до сорокалетнего возраста, Курбатов хотя и принял чин дьяка, но не захотел или не смог пробудить в себе чувство корпоративной лояльности по отношению к наследственным приказным людям (и вызвать такое чувство к себе с их стороны)? Кроме того, стремясь добиться благосклонности Петра, Курбатов мог намеренно противопоставлять себя этой среде, к которой сам царь относился без симпатии.

Не испытывая полного доверия ни к одному из двух с половиной тысяч подьячих, приписанных к московским приказам, Курбатов подбирает себе ближайших сотрудников способом, который был вполне логичным для человека в его положении, но в то же время довольно экстравагантным в рамках московской традиции. Путем настойчивых устных и письменных просьб, обращенных к своему непосредственному начальнику, боярину Головину, и к самому царю, Курбатов добился перевода на государеву службу двух своих знакомцев из числа высокообразованных «боярских людей», таких же, каким незадолго до того был он сам: «один у Салтыкова Алексея, другой у Гагина: Салтыкова — Ивашка Хрипунов, Гагина — Федор Обыгов»²⁶. Обзаведясь лично ему обязанными помощниками, Курбатов принимает на себя по отношению к ним роль патрона. Хрипунов и Обухов будут сопровождать Курбатова на разных этапах его последующей карьеры. Он заботится о получении ими выгодных окладов жалованья и

²⁵ Седов П.В. Подношения в московских приказах XVII в. // Отечественная история. 1996. № 1. С. 139–150.

²⁶ А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 16 марта 1700 г., и Петру I, б.д. (март 1700 г.); док-ты № 2 и 3. Имелись в виду боярин Алексей Петрович Салтыков и стольник князь Иван Данилович Великогагин (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 16, 44 об. — выписка из именного указа).

о повышении их в чинах; он защищает их в случае служебных и частных конфликтов; и конечно же, он оказывает протекцию их родственникам — неременная отличительная черта патронажа по сравнению с формальными иерархическими отношениями начальника к подчиненным. В ответ на благодеяния со стороны патрона Обухов и Хрипунов проявляли себя как трудолюбивые и верные помощники, с успехом выполняя не только свои текущие обязанности, но и деликатные поручения в самых разных областях, которые затрагивала деятельность неутомимого «доносителя» и «прибыльщика». Еще один приятель Курбатова, Леонтий Магницкий, также был привлечен им на царскую службу и стал пользоваться его покровительством. Открывшиеся перед ним благодаря этому возможности позволили Магницкому заслужить репутацию первого российского математика. В свою очередь сам Магницкий, в строгом соответствии с ролью протеже, или «креатуры», соглашался выполнять поручения Курбатова, в том числе весьма далекие от его собственных должностных обязанностей²⁷.

Многолетняя прочная связь, установившаяся между Курбатовым и тремя его доверенными помощниками, Хрипуновым, Обуховым и Магницким, выглядит особенно значимой на фоне нестабильных отношений Алексея Александровича с его подчиненными из числа подьячих. В 1700 г. Курбатов употребил все свое красноречие, чтобы рекомендовать Головину лояльность и таланты подьячего Тихона Беляева, доказанные, по мнению Алексея Александровича, двадцатью годами службы «без всякого порока»²⁸. Курбатову удалось переубедить Головина, который имел об этом подьячем низкое мнение, и добиться определения Беляева на важную должность. Однако предпринятая Алексеем Александровичем попытка установления патрон-клиентских отношений с подьячим провалилась: всего два года спустя, как будто позабыв о своем прежнем мнении, Курбатов уже добивался отстранения Беляева, называя его «бездельным», «нерадивцем» и обвиняя в «плутовстве»²⁹.

В другом случае, движимый страхом за свою политическую репутацию, Курбатов пошел на настоящее предательство в отношении двух ни в чем не повинных подьячих, Боровкова и Бурмистрова³⁰. Спустя менее

²⁷ Подробнее об отношениях Курбатова с Хрипуновым, Обуховым и Магницким см.: Жуковская А.В. От поручения к учреждению: А.А. Курбатов и «крепостное дело» при Петре I // Очерки феодальной России. Вып. 13. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. С. 314–376, здесь — с. 323–325.

²⁸ А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 16 марта 1700 г. (док-т № 3).

²⁹ А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 16 июня 1702 г. (док-т № 21).

³⁰ Родион Боровков и Василий Бурмистров были назначены к надзору над крепостными делами по инициированному Курбатовым именному указу от 30 января

полугода после того как Алексей Александрович сам принял их на службу, обнаружилось, что эти подьячие имеют стрелецкое происхождение, и Курбатов впал в панику, опасаясь, что царь разгневется на него за покровительство отродью мятежных стрельцов:

Истинну тебе, государю, доношу о злодейственном сем в поведениих подобножидовском стрелецком роде: не достоин им у таких дел быть, не токмо, государь, у дел, но и житие иметь на Москве и приезжать к Москве не достоин. <...> Я опасен в них твоего, государева, на меня какова мнения и слышу на ся некакое в них от народу и поречение, будто я их излюбил и прибрал к тем делам <...> Ей, государь, ехиднино порождение и лукавства своего не оставят³¹.

Боровкову и Бурмистрову повезло: царь не прислушался к наговорам Курбатова. Однако со временем Алексей Александрович все же избавился от компрометирующей связи со стрельцами-подьячими: в 1706 г. их выслали на службу в г. Тикотин³². Причиной возникновения проблемы стали не какие-либо действия подьячих, а ошибка самого Курбатова. Выбирая Боровкова и Бурмистрова среди подьячих Ивановской площади Москвы, он упустил из виду тот факт, что одним из основных источников комплектования этой корпорации были стрельцы и стрелецкие дети. В результате, страшась за собственную репутацию, Курбатов подверг своих подчиненных смертельной опасности: при Петре можно было угодить в застенки и в результате менее серьезных обвинений. Эти эпизоды позволяют понять, почему опора на приведенных извне, давно знакомых и лично ему преданных исполнителей, чью лояльность он тщательно культивировал, являлась одной из констант административной стратегии Курбатова.

Клиент

Если функции патрона Курбатову удавалось выполнять вполне успешно (т.е. с пользой как для себя и своих клиентов, так и для царской службы), то роль клиента в отношениях с близкими к царю вельможами ему давалась с трудом, и в конечном итоге он потерпел в этом смысле полное фиаско.

Первым начальником Алексея Александровича на царской службе стал один из влиятельнейших членов петровского правительства боярин

1701 г. (ПСЗ. Т. IV. № 1833. С. 138). В 1701 г. они числятся в списке персонала Палаты крепостных дел: «с 1701 году 1 статьи по 70 рублей Родион Боровков, Василей Бурмистров, Григорей Титов, Лука Смольянинов» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986).

³¹ А.А. Курбатов — Петру I, 22 июня 1701 г. (док-т № 6).

³² РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122.

Ф.А. Головин³³. Не довольствуясь формальными иерархическими отношениями, Курбатов в первом же из сохранившихся его посланий к Головину недвусмысленно заявил, что видит в боярине своего покровителя: «...кроме тебя, государя, иного патрона себе не имею»³⁴. На протяжении нескольких лет Курбатов старался выделиться в глазах Головина на фоне других подчиненных, не только ревностно выполняя свои обязанности, но и не упуская случая сообщать начальнику как о собственных успехах, так и о промахах и слабостях коллег.

Головин, однако, не поддался на авансы со стороны Курбатова. Переписка между ними создает ощущение, что их отношения носили формальный характер и что Головин не оказывал Курбатову предпочтения перед другими дьяками своего ведомства. Начальник девяти приказов, по горло занятый царскими поручениями административного, дипломатического и военного характера, подолгу бывавший в разъездах вдали от Москвы, Головин, возможно, просто не чувствовал необходимости в том, чтобы приблизить к себе Курбатова — одного из двух или трех десятков дьяков, находившихся в его подчинении. Так или иначе, уже через полтора года после начала их сотрудничества (к лету 1702 г.) Курбатову стало ясно, что Головин не воспринимает его как своего протеже и отдает предпочтение его коллеге дьяку Домнину. Алексей Александрович не скрывал своей ревности и разочарования: «Однако ж думной [дьяк Домнин], вижу, во особливой твоей передо мною милости, а за что, бог весть. [...] Истинно, государь, работал [я] тебе всею душою и сердцем, о чем тебе, государю, известно. И получил некогда в доме Льва Кирилловича такое от уст твоих ко мне слово (дондеже дух мой во мне платить тебе рад). А для чего то ныне пременися, не вем»³⁵. Судя по дальнейшему поведению Курбатова, нежелание Головина исполнять роль патрона негативно повлияло на их дальнейшее сотрудничество. В конце 1704 г. Курбатов получил разрешение Петра I перейти «под управление» царского фаворита Александра Даниловича Меншикова, не покидая при этом своего поста в Оружейной палате. Ответ на поставленный Д.О. Серовым вопрос о причинах такого странного поведения (как верно отметил историк, Головин занимал в окружении Петра I непоколебимое положение и выступить против него было крайне рискованно) может быть найден при помощи анализа собранной в настоящем издании переписки.

33 Шаханов А.Н. Ф.А. Головин: Жизнь и судьба // Федор Головин и Яузская Москва / сост. С.Л. Малафеева, И.А. Работкевич. М.: Изд-во МНЭПУ, 2002. С. 7–30.

34 А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 16 марта 1700 г. (док-т № 3).

35 А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 16 июня 1702 г. (док-т № 21).

Среди немногих доступных историку России способов наблюдения патрон-клиентских отношений видное место занимает анализ нюансов эпистолярного этикета³⁶. Полезной в данном отношении оказывается не только частная, как иногда считают³⁷, но и официальная переписка. На протяжении четырех с половиной лет, пока продолжалось их сотрудничество, Курбатов отправил Головину как минимум 81 письмо (из них 33 совместно с дьяком Л.А. Домниным). Традиционные пожелания здоровья и благополучия в начале каждого письма всякий раз формулировались по-разному. Начиная каждое новое письмо к Головину, Курбатов, по всей видимости, старательно справлялся с черновиками предыдущих посланий — иначе невозможно объяснить, каким образом ему удавалось избегать повторений. Курбатов определенно видел особый *point d'honneur* в том, чтобы приветственная формула варьировалась от раза к разу — тонкий знак внимания и, следовательно, уважения к «патрону».

С начала 1704 г. привычное эпистолярное поведение Курбатова меняется. Во-первых, он многократно допускает дословное повторение одной и той же приветственной формулы в письмах к Головину, причем упрощенной по сравнению с употреблявшимися ранее («желаю здравствовать тебе, государю, в милости божией многолетно»). Во-вторых, вступив с февраля того же года в регулярную переписку с Меншиковым, Курбатов перестает адресовать Головину подчеркнуто уважительное обращение «премилостивейший (ко мне) государь Федор Алексеевич», окончательно перейдя на более стандартное «милостивейший государь Федор Алексеевич». В то же время, как бы подчеркивая контраст, Курбатов обращается к Меншикову «премилостивейший ко мне государь Александр Данилович». В последних письмах Головину, в частности в том, в котором Курбатов сообщает о своем переходе «под управление» Меншикова, употреблено откровенно оскорбительное (учитывая разницу в социальном положении между дьяком и боярином), кучее обращение «государь Федор Алексеевич». Указанные наблюдения позволяют заключить, что приветственные формулы использовались Курбатовым как своего рода кодовый язык для оформления патрон-клиентских контрактов и что пристальный анализ содержания писем 1704 г. может вскрыть причины его разрыва с Головиным и сближения с Меншиковым.

³⁶ Полонский Д.Г. Эпистолярный этикет во взаимоотношениях А.Д. Меншикова с представителями властной элиты Петровской эпохи // Меншиковские чтения — 2011: научный альманах. Вып. 2 (9). СПб., 2011. С. 75–93.

³⁷ Кром М.М. Патронат и клиента в Московском государстве XVI–XVII вв.: историография и проблематика // Вестник Волгоградского гос. ун-та. 2021. Т. 26. № 4. С. 74. (Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения).

В начале 1704 г. Курбатов узнал, что в Серебряном ряду торгуют «воровским» (смешанным с медью) серебром и, главное, что такое серебро, возможно, попадает в качестве сырья на денежные дворы. Нормальной реакцией «доносителя» должно было быть расследование обстоятельств дела и доклад своему непосредственному начальнику, т.е. Головину. Однако Курбатов почему-то обращается не к нему, а к Меншикову. Курбатов утверждает, что не может начать расследование без предварительного предстательства фаворита перед царем, ибо опасается противостояния со стороны неких влиятельных персон:

А слышитца, государь, в тех дворех [денежных] многое есть неисправление и от подрядчиков в поставке серебра многое воровство, которому воровству ныне в Полате оружейной явился знак и к сыску дорога. <...>

А розыскивать, государь, в том еще я не начел, для того что мню, в том многия *лицы* явятся. И сего ради тебе, яко вернейшему всемилостивейшаго государя рабу, доношою: благоволи, государь, доложить всемилостивейшаго и прислать ко мне указ, да поступлю в том розыску безбоязненно. Мню, государь, многое явитца воровство и в казну не без прибыли³⁸.

Поведение Курбатова становится понятным, если принять во внимание, что один из денежных дворов, а именно Монетный, или Кадашевский, находился не в ведении Приказа Большой казны и ее начальника князя П.И. Прозоровского, как все остальные, а в личном ведении Ф.А. Головина. Боярин основал его в 1699–1700 гг. на средства состоявшего в его подчинении Адмиралтейского приказа с целью наладить выпуск крупных номиналов, серебряных рублей, чего с нетерпением ждал Петр I: средневековый вид российских денежных знаков — проволочных копеек — унижал достоинство европеизированного государя. И вот, в тот самый момент, когда подчиненные Головина на Монетном дворе приступили, наконец, к производству первых рублевиков, Курбатов неожиданно обнаружил основания сомневаться в их качестве! Даже если Курбатов не подозревал самого Головина в махинациях с закупками сырья, боярин мог оказаться виноват в недосмотре, или преступной халатности, как бы мы сказали сегодня. Зная, что между ними не существует особой доверительности, которая характеризует патрон-клиентский тип отношений между начальником и подчиненным, Курбатов оказался перед выбором: замять дело или искать поддержки на стороне. Смолчать означало нарушить данное им царю и богу «обещание» «доносить о самой правде», и Курбатов решил обратиться к Меншикову — единственному человеку, который мог

³⁸ А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 19 марта 1704 г. (док-т № 79).

не побояться бросить тень на репутацию Головина. Возможно, Курбатова подтолкнуло к этому случайное совпадение: как раз в это время Меншикову захотелось завести денежный двор под собственным управлением и он предложил Алексею Александровичу заняться его строительством. Отговаривая фаворита от этого убыточного, по его мнению, проекта, Курбатов нашел удобный предлог, чтобы «умолять» Меншикова обратить внимание на уже существующие денежные дворы:

Ей-ей, государь, многое *неизправление* есть на денежных дворах. Благоволи милостиво внушить сие мое доношение и те *денежные дворы взять под свою опеку*. Истинно, государь, надеюсь, что твоим усмотрением в тех дворах большей прибыток явитца казне, нежели на особом твоём дворе. В чем, аще воля всемилостивейшаго, хотя то и не без труда, однако ж богу, мне помогающю, не отрекуся при твоей милости послужити и надеюсь чрез твое усердие новому в том быти доброму определению³⁹.

От кого Головин впервые узнал о происходящем, неизвестно, но случилось это лишь спустя полтора месяца после сигнала Курбатова Меншикову. Реакция боярина показывает, что совесть его была чиста: Головин немедленно приказал Курбатову «конечно розыскивать, дабы сыскать от корени, кто и сколько составлявал, и куда продал, и у кого сие делалось, дело сие надобно, и что по розыску, ответы о том ко мне писать немедленно»⁴⁰. Несмотря на это Курбатов, по-видимому, продолжал питать сомнения по поводу беспристрастности своего начальника. Об этом явно свидетельствует контраст между содержанием его писем к Головину и к Меншикову. В один и тот же день Курбатов отчитывается обоим о ходе следствия: коротко и туманно — первому, подробно и обстоятельно — второму. Курбатов явно старается усыпить бдительность Головина, умалчивая о том, что поддельное серебро могло поставляться на денежные дворы, и, напротив, подчеркивает это обстоятельство в докладе Меншикову⁴¹. Недовольный Головин запрашивает детали, Курбатов тянет с ответом, и боярин теряет терпение. Подробный доклад Курбатова Головину от 23 июня, в котором главная ответственность за беспорядки на Монетном дворе возлагается на дьяка Якова Борина⁴², приходит слишком поздно: Головин только что добился указа о переносе следствия в Преображенский приказ.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Собственноручная помета Ф.А. Головина на письме Курбатова от 21 апреля 1704 г. (док-т № 88). Помета датируется 1 мая, исходя из упоминания в письме Курбатова от 23 июня 1704 г. (док-т № 98).

⁴¹ А.А. Курбатов — Ф.А. Головину и А.Д. Меншикову, 5 мая 1704 г. (док-ты № 91 и 93).

⁴² А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 23 июня 1704 г. (док-т № 98). О Якове Борине см.: Козлова Н.В. Гость, дьяк, металлостроитель Кузьма Семенович Борин и его потомки:

Такой поворот событий заставил Курбатова окончательно сжечь мосты, открыто упрекнув Головина. Перенос следствия в другую инстанцию всегда сопровождался более или менее обоснованными жалобами подследственных на тех, кто возбудил и вел против них дело ранее, и неудивительно, что и в данном случае репутация Курбатова оказалась под ударом: его и его подьячих обвинили во взятках. Будучи вынужден оправдываться, Курбатов пишет Петру отчаянное письмо. Обвинение во взятках он объясняет желанием опорочить его со стороны влиятельных друзей подозреваемых по делу, среди которых он дерзко называет мать Ф.А. Головина и самого боярина, а также дочь могущественного «князь-кесаря» Ф.Ю. Ромодановского и его самого: «Ей, всемилостивейший государь, *один* без всякаго порока пред тобою вернейший твой при тебе раб Александр Данилович, *прочии же вси не без причины*»⁴³.

Как в это время, так и годы спустя Курбатов считал, что совершил подвиг самоотверженности, осмелившись начать разбирательство о поддельном серебре «под дачу на дворы денежные», «не устыдевся адмирала Феодора Алексеевича <...> для того что Манетной двор был под ево усмотрением»⁴⁴. Однако Петр не придавал делу большого значения, и оно не имело важных последствий ни для кого из участников — кроме самого Курбатова, которому после всего сказанного им против Головина было, конечно, крайне неловко оставаться под его началом. Между тем Меншиков не торопился принять его под свое покровительство. Это видно из того, что Курбатов неоднократно «слезно» просит его об этом: «не остави мя ты, всеусерднейший его, государев, раб. А ежели не оставишь, узриши мою услугу, не точию ко всемилостивейшему, *но и к тебе, государю, неотменную верность и помоществование*»⁴⁵. Одновременно Курбатов пишет к царю, причем интересно, что он просит его не о переводе в какое-нибудь учреждение подальше от Головина, а о разрешении поступить под протекцию («опеку») Меншикова — так, как будто речь идет о пожаловании чина или назначении на должность: «Аще ли благоволиши мя повелением твоим за саморучным подкрепитьи, *предаси мя во опеку* вернейшему твоему рабу одному»⁴⁶. Два месяца спустя, поздравляя Петра со взятием Нарвы, Курбатов напоминает

К вопросу об устойчивости промышленных династий в России петровского времени // Российская история. 2014. № 4. С. 120–124.

⁴³ А.А. Курбатов — Петру I, 3 июля 1704 г.; А.А. Курбатов — Петру I, 1704 г. (док-ты № 101 и 102).

⁴⁴ А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 26 октября 1713 (док-т № 217).

⁴⁵ Письма А.А. Курбатова А.Д. Меншикову, 2 августа 1704 г.; 3 сентября 1704 г. (док-ты № 104, 108).

⁴⁶ А.А. Курбатов — Петру I, 3 июля 1704 г. (док-т № 101).

о своем желании: «истинно вернейший твой, государев, раб А.Д., которого *охранения* и аз, бедник, повсечасно желаю получитьи, надеюся же, яко и получ[у] оноя моя ради усердности»⁴⁷. Параллельно Курбатов обhajивает Меншикова, соблазняя его различными проектами, в которых он, Курбатов, мог бы быть полезным и которые могли бы послужить к славе или обогащению фаворита: наложить руку на отданные иностранцам табачные откупа⁴⁸, консолидировать управление денежными дворами⁴⁹, найти новые доходы для умножения пехотных и конных полков⁵⁰. «Аще призриши на мя милостивно твоим о мне промышлением, надеюся м[но]гому в том быти собранию», — убеждает Курбатов⁵¹.

Наконец, 10 октября 1704 г. Курбатов получает присланное с доверенным лицом письмо Меншикова, которое не дошло до нас, но в котором, судя по пламенному благодарственному ответу Курбатова, содержалось согласие фаворита принять его под свое покровительство. Добиться этого оказалось едва ли не труднее, чем поступить на царскую службу. И признательность обрадованного дьяка принимает формы, которые были бы пристойны лишь по отношению к самому царю. Курбатов называет Меншикова «премилостивейший *наш* государь» (не «премилостивейший *мне*» или «*ко мне*»), как он писал иногда Головину и самому Меншикову ранее, а «наш», что до тех пор относилось к одному Петру); величает его «батько, наш государь» и заверяет в усердии и верности не только собственной, но и «з домашними моими». Курбатов обещает «твоя, вернейшаго его, государева, раба, повеления исполняти всеохотно» и докладывает об исполнении первого из таких повелений — о посылке к Меншикову 19 тыс. золотых червонцев из конфискованных денег купцов Шустовых:

По повелению, государь, милости твоей ис пожитков Шустовых золотых червонных послал я к тебе, государю, с подьячим полаты Оружейня, с Петром Шишипуровым, девятнадцать тысяч, в том числе несколько есть и двойных.

Достальных оставил я в Полате для дел пребудущих по случаю чрез твое повеление четьреста семьдесят восемь золотых. А ежели, государь, к посылке и тех *воля твоя, пришло без медления*⁵².

Как известно, дело Шустовых велось в Оружейной палате и туда же, т.е. под управление Головина, были приняты конфискованные у них

47 А.А. Курбатов — Петру I, 24 августа 1704 г. (док-т № 106).

48 А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, август 1704 г. (док-т № 107).

49 А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 3 сентября 1704 г. (док-т № 109).

50 А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 3 сентября 1704 г. (док-т № 108).

51 А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, август 1704 г. (док-т № 107).

52 А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 10 октября 1704 г. (док-т № 111).

деньги. Согласно привычной для нашего времени административной логике, пока Курбатов оставался дьяком Оружейной палаты, он должен был всецело подчиняться главе этого учреждения. Однако Петр I и его подданные мыслили иначе: дьяк Курбатов и обслуживаемый им министерский портфель («дела его сиденья») виделись им структурной единицей, которую можно было отдать «в опеку» постороннему начальнику, при этом не выводя ее полностью из состава Оружейной палаты. Об этом говорит сам Курбатов в письме, которым уведомляет Головина о своем частичном переходе «под управление» Меншикова:

Волею всемилостивейшаго нашего государя, чрез доношение губернатора Александра Даниловича, велено мне при делах быть *под управлением его губернаторским*. И в письме его ко мне написано: *дела, которыя с моево сиденья*, и в составе воровского серебра, и инья, прибрав, *а по иным чинить указ, будучи <...> в [Оружейной] Полате*⁵³.

Можно было бы подумать, что Курбатов оказался в положении соместителя, который по одной должности подчиняется одному шефу, а по другой — другому. Однако это не совсем так. Тон данного письма ясно показывает, что отношения Курбатова к Головину в корне переменились: он обязан в чем-то сотрудничать с ним, но более не считает его ни своим начальником, ни патроном, не *повинуется* ему, а наоборот, диктует ему свою волю:

А в письме милости твоя писано <...> о украшении к триумфу башен <...> к новоизбранным дьяком, которое украшение уже чрез мое старание вполы дела своея произошло, в чем восприял и труд немалой. *Хочу*, да и до конца тот мой труд да не истреблен будет. Благоволи, государь, прислать к их милостям [т.е. к дьякам] указ, дабы того украшения и иных дел во окончании препоны мне не чинили <...>⁵⁴.

Глубинная причина конфликта Курбатова с Головиным заключалась, по-видимому, в том, что между ними так и не установились патрон-клиентские отношения. Головин, как было сказано выше, не захотел выделить Курбатова среди других дьяков. Курбатов, со своей стороны, не считал Головина посредником, позволившим ему войти в число прямых собеседников царя: «А получил [я] милость всемилостивейшаго государя чрез самого бога»⁵⁵. Поскольку ему помог не Головин, а «сам бог», Курбатов не

53 А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 17 ноября 1704 г. (док-т № 113).

54 Там же. *Хочу* — редкое слово в словаре Курбатова, который чаще пользовался менее императивным *желаю*.

55 А.А. Курбатов — Ф.А. Головину от 16 июня 1702 г. (док-т № 21).

признавал за собой долга по отношению к боярину. Таким образом, преданность «патрону» со стороны Курбатова не была обусловлена личной признательностью и всецело зависела от интересов службы.

Первоначальные отношения Курбатова с Меншиковым складывались несколько иначе, поскольку фаворит, снисходя на его настоятельные «слезные» просьбы, оказал ему важную услугу — «премилостиво ходатайствовал» о нем перед царем — и, таким образом, заслужил его личную благодарность⁵⁶. Тем не менее отношения с Меншиковым также оказались непрочными. Вскоре после поступления «под управление» светлейшего князя Курбатов начинает сталкиваться с ситуациями, которые ставят его перед одной и той же дилеммой: вызвать неудовольствие своего «патрона» или поступить противно тому, что он считал наиболее выгодным для интересов царя, т.е. изменить долгу службы-служения и сбиться с тесного пути спасения души. Дрожа и оправдываясь, Курбатов раз за разом выбирает первое: «...ныне точию о сем доношу, но и сие не без страха, да не прогневаю вернейшаго твоего, государева, раба, моего ж милостивейшаго патрона»; «Тебе, государю, известно: единого точию имел себе за патрона его сиятельство, но и того милости уже лишаюсь»⁵⁷; «Точию молю тя, государя, помилуй мя ради [...]бе божия, не дай мне, беднику, умереть в печали моей, [и]мянно даждь мне ныне хотя малое утешение да не сниду с печа[ль]ею моею во ад. Ей-ей, писал к те[...] лутчшия пользы, а не в противство»⁵⁸. Таким образом, можно сказать, что Курбатов не так уж сильно преувеличивал, когда клялся Петру в одном из своих последних писем:

Ей-ей, во всем работал вседушевно, но нет мне хвалителей, ибо ни в ком кроме Вас, государя, не искал, и того ради от всех оставлен⁵⁹.

В конечном итоге крах карьеры «прибыльщика и доносителя» объясняется не столько тем, что, атаковав казнокрадов и жуликов Соловьевых, он косвенным образом задел интересы Меншикова (о чем подробно рассказано в работах Д.О. Серова), сколько его неискренностью в роли клиента светлейшего князя. Пожертвовав «опекой» «патрона» ради интересов службы, Курбатов сделался уязвим для «ненавидящих его» и не сумел до конца оправдаться, потому что «не имел посторонних дядек»⁶⁰.

⁵⁶ А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 10 октября 1704 г. (док-т № 111).

⁵⁷ А.А. Курбатов — Петру I, 21 октября 1706 г. и 2 декабря 1706 г. (док-ты № 141 и 146).

⁵⁸ А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 29 ноября 1706 г. (док-т № 145).

⁵⁹ А.А. Курбатов — Петру I, 7 января 1719 г. (док-т № 245).

⁶⁰ А.А. Курбатов — Петру I, март 1721 г. (док-т № 253).

В годы пребывания Курбатова под следствием, когда надеяться на личную встречу с царем уже не приходилось, эпистолярное общение с ним стало для Курбатова в буквальном смысле слова жизненно важным, поэтому он постарался расположить к себе кабинет-секретаря Алексея Васильевича Макарова, в чьей власти было подносить письма и челобитные Курбатова в более или менее благоприятные моменты. Немногочисленные письма Курбатова на имя Макарова, написанные до начала неприятностей по службе, не отличались никакими особенностями эпистолярного этикета. Однако с 1713 г., когда над его головой навис меч (не)правосудия, Алексей Александрович стал чаще писать кабинет-секретарю и, главное, его письма приобрели некоторые черты, которые были свойственны переписке Курбатова с Головиным и Меншиковым. В частности, Курбатов начинает называть Макарова своим «патроном». В данном случае, однако, это не означало, что между Курбатовым и Макаровым установились отношения патрон-клиентского типа, поскольку последственный Курбатов не мог быть ничем полезен кабинет-секретарю, по крайней мере в обозримом будущем. Эпистолярное поведение Курбатова отражает осознание им этого факта: он неоднократно называет себя «одолженным», «должником», а Макарова — «отцом» и «батькой». Отношения между патроном и клиентом, хотя и асимметричны, тем не менее основаны на взаимности. Сын же, какие бы услуги он ни оказывал своему отцу, по природе своей является его *неоплатным* должником. Неизвестно, согласился ли кабинет-секретарь «споболить отечески» о Курбатове. Сам Курбатов, как кажется, не слишком рассчитывал на сердоболие «батьки», в глазах которого он был не «клиентом», а всего лишь очередным назойливым просителем.

Итак, бывший боярский человек Алексей Курбатов оказался чрезмерно горд и амбициозен — в глубине души он не хотел быть слугой никому, кроме самого царя. Но, как известно, *до царя далеко...*

Патрон-клиентские отношения и «росийский статут»

Люди Петровской эпохи прекрасно осознавали неоднозначность влияния патрон-клиентских отношений между начальником и подчиненными на их совместную деятельность в интересах службы и понимали недостаточность московской правовой традиции регулирования таких отношений. С одной стороны, Курбатов — административный предприниматель, стремящийся к достижению максимальной быстроты и эффективности в реализации поставленных перед ним задач, — рассчитывал на поддержку своего «патрона» в тех случаях, когда в погоне за «прибылью» для казны

позволял себе принимать самостоятельные решения и даже допускал нарушения, иногда довольно серьезные, как, например, составление грамоты с царским повелением задним числом⁶¹. С другой стороны, Курбатов — инспектор и «доноситель» — обличал патрон-клиентские связи, когда видел происходящий от них ущерб казне:

...подьячия, государь, ратушския — превеликия воры, и великое вышеозначенным ворам чинят в их поползновениях помоществование, и имеют себе повытъя за наследство, и берут премногия взятки. Еще ж, государь, дают в городе знать, да опасаются нашего правления. И о таковых, государь, что чинить? Поступаю и так при помощи божи не зело им во угодность, но приемлю ненависть от их *патронов*, понеже имеют едва не всякии у себе *дядя*. Яви ми, всемилостивейший государь, что имам творити с ними⁶².

И ежели, государь, без ведома Розрядного нам ничего в тех зборах не чинити, то большее от воевод и от приказных людей будет в зборах происходить нерадение, потому что они будут ведать, что их, не согласясь с Розрядом, острастити невозможно. А в Розряде у воевод без *друга* мало бывает, и многая, государь, от того в тех зборах казне будет утрата <...>⁶³.

Исполняемая Курбатовым двойственная роль государева слуги и клиента Меншикова часто заставляла его балансировать между интересами царя и «патрона». Порой выбор оказывался легок: Курбатов не сомневался в необходимости пожертвовать частной выгодой и не боялся поставить «патрона» перед неприятным фактом: «Ей, государь, прибыль от него малая, хотя *нам есть от него некоторое и поживление*, однако ж я молчати о сем за милость всемилостивейшаго государя не могу»⁶⁴. В другие дни приходилось порядком поломать голову, как было в случае с поставкой «водок» из казенных запасов для личного потребления Меншикова, за которые Курбатов отказался взять плату со своего «патрона». Письмо Курбатова по этому поводу представляет собой редчайший для России пример попытки рационально обосновать относительность границы между государственными и частными материальными ресурсами:

Светлейшему Римского и Росийского государств князю Ижерскому, государю Александру Даниловичю. Получив, я, Вашего светлейшества раб, Ваше

⁶¹ А.А. Курбатов — Ф.А. Головину от 30 сентября 1703 г. (док-т № 71). В другом случае, в ответ на упрек Головина в самостоятельности, Курбатов отвечал, что без приказа «чинить я никогда не буду, *разве что усмотрев в делах оружейных к славе имени твоему*» (письмо от 16 июня 1702 г., док-т № 19).

⁶² А.А. Курбатов — Петру I, 17 октября 1705 г. (док-т № 123).

⁶³ Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 13 августа 1703 г. (док-т № 65).

⁶⁴ А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, август 1704 г. (док-т № 107).

о присылке водок повеление, изготовил их как мог с поспешением и сего августа в день послал их к Вашему светлейшеству <...> А денег, государь, за те водки, во что они стали, у господина Козьмы Думашева я брать не велел, для того что они ис прибыльных денег строены, которых прежде сего в Ратуше не бывало, и в помощь ратушским окладным доходам припложено их многое тысяч число (о чем по прежним моим доношениям тебе, государю, известно), которое *всегда может причитаться Вашего светлейшества к усмотрению, для того что чрез Ваше, премилостивейшаго нашего патрона, к всемилостивейшему государю доношение к той работе я, убогий, определен.* И впредь к тебе, государю, посылать со всяким усердием готов не точию такое, как ныне, число малое, но сколько на весь Вашего светлейшества дом потребно за Ваши к всемилостивейшему государю услуги⁶⁵.

Как видим, Курбатов оправдывает свою готовность предоставлять за счет казны продукты для дома Меншикова тремя аргументами. Во-первых, в культуре московского финансового управления статус «прибыльных денег» (т.е. новых, чрезвычайных доходов, еще не положенных, как мы сказали бы сегодня, в бюджет) был более гибким, чем статус «окладных доходов». Во-вторых, если бы Меншиков не рекомендовал Курбатова Петру I, Алексей Александрович не был бы назначен инспектором Ратуши и доходы этого учреждения не увеличились бы так, как это произошло благодаря его усилиям. И в-третьих, Меншиков был ближайшим сотрудником царя, его правой рукой и как таковой заслуживал привилегированного отношения к себе. Административная традиция, личная благодарность патрону и представление о том, что все государственное принадлежит государю, а государь должен быть щедр со своими верными слугами, — в этих обычаях и воззрениях неразрывно сплетаются логика покровительства и логика службы.

Подобного рода патрон-клиентская казуистика не всегда, однако, позволяла определить, где в точности пролегает граница между полезными и вредными для казенного интереса последствиями патрон-клиентских отношений. Как и всякий российский подданный того времени, Курбатов знал, что, с одной стороны, царские слуги имели право «кормиться» от места: «взятка» была «древним московским обыкновением» — признанной властью *coutume*⁶⁶. Да и что могло быть *нормальнее* в обществе, стоявшем на полпути между понятием, согласно которому государевы слуги должны были жить и служить на собственные средства, и представлением о том,

⁶⁵ А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 5 августа 1708 г. (док-т № 169).

⁶⁶ Приложение к письму А.А. Курбатова Петру I от 22 июня 1701 г. (док-т № 7).

что их следует полностью обеспечивать на казенный счет? Вместе с тем Курбатов не был наивен и знал, что все дело — в мере и в конкретных обстоятельствах. Кто «берет», у кого, для кого, сколько, почему, когда, где и как — все это были параметры, позволявшие проводить различие, не всегда очевидное, между верным слугой и «похитителем государственного интереса». Только вот формулы, которая бы позволяла решать уравнения со всеми этими переменными, российская юридическая мысль и практика к началу XVIII столетия не выработали. Именно на это указывал Курбатов, когда умолял Петра дать ему «заповедь» о «взятках»:

Всемиловитейший государь, в вышеозначенных моих взятках — взятки от подрядов, которые всячески бегати достоин, но то учинено, свидетельствующю богу, без всяких моих прихотей. Весть о сем, твое самодержавие, древнее московское обыкновение. <...> И даждь мне, государь, заповедь, да [не] преступлю ея в своем служении. И во взятках моих положи мне определение⁶⁷.

В итоге исследование биографии Курбатова подкрепляет мнение тех историков, которые ставят под сомнение «неформальный» характер патрон-клиентских отношений прошлого, их «параллельность» или экзогенность по отношению к должностным иерархиям. Безличность отношений между начальником и подчиненным, определенная Максом Вебером как одно из основных условий существования бюрократического типа управления, по-видимому, не входила в число идеалов Курбатова, а если и входила, он не считал ее достижимой. Во всяком случае, Курбатов отнюдь не скрывал своей склонности опираться в рамках служебной деятельности на патрон-клиентские связи, а значит, не считал их по сути несовместимыми с правильным устройством государственного управления и был уверен в том, что царь придерживается той же точки зрения. Патрон-клиентские отношения являлись для Курбатова *нормальной* формой должностного подчинения. Начальник-патрон — это был просто хороший начальник, который относился к своим подчиненным безразлично, проявляя внимание к нуждам и интересам их самих и членов их семей.

Подчиненных-клиентов (или особо доверенных подчиненных) отличали от остальных подчиненных две особенности. Во-первых, «клиенты» проявляли готовность более или менее систематически оказывать начальнику услуги, выходявшие за рамки должностных обязанностей. Во-вторых, что еще важнее, лояльность подчиненных-клиентов к начальнику могла брать верх над их верностью долгу службы. Таким образом, в зависимости от конкретных обстоятельств, патрон-клиентские связи между

67 Там же.

начальниками и подчиненными могли оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на функционирование государственных учреждений. С одной стороны, они были способны увеличивать эффективность сотрудничества между выше- и нижестоящими на благо государственного интереса, особенно в тех случаях, когда административные процедуры, основанные на традиции или законе, по той или иной причине мешали действию. С другой стороны, такие связи повышали риск использования должностного положения в личных целях. По этой причине патрон-клиентские отношения в сфере государственной администрации прошлого неизменно вызвали подозрение и преследовались и столь же неизменно возрождались в условиях поиска высокой административной эффективности.

Курбатов как добросовестный царский слуга испытывал необходимость в критериях для различения легитимных и нелегитимных патрон-клиентских связей, в юридических инструментах, более совершенных, чем те, которые предоставляло отечественное законодательство и правовые традиции. В своих «Предложениях» 1721 г., своего рода политическом завещании первого российского прибыльщика и доносителя, Курбатов мечтает о том, что «ясно и довольно изложенный статут привнесет все-росийскому государствию многую пользу», а составивший его государь получит «божие милосердие и несмертельную во вселенной славу, яко же получи Иустиниан, цесарь греческий»⁶⁸.

Труды и дни дьяка Курбатова

Едва ли не сразу после своего пожалования в дьяки Оружейной палаты Курбатов обратился к царю с просьбой: «О сем точию молю тя, государя: повели мне, видя, где мочно учинить какия в котором приказе прибыли или какия в делех поползновения судиям, наедине доносить безбоязненно»⁶⁹. Вооруженный царским благословением, Курбатов разворачивает бурную деятельность по поиску и искоренению неправды, несмотря на риск нажить врагов и подвергнуться клевете с их стороны, о чем он настойчиво напоминает в своих посланиях царю: «...истинно, верен ти есмь. Дажь ми волю усмотреть истинно по силе моей: ей, государь, время смотреть, да будет во всем истинное правление, понеже едва не всюды неправды. Еще слезно прошу, да буду в правлении моем безбоязнен, но в надежде

⁶⁸ Пункты-предложения А.А. Курбатова, 1721 г. (док-т № 257).

⁶⁹ Письмо Курбатова Петру I с собственноручной пометой последнего. Б.д. (первая половина марта 1700 г.); док-т № 2.

совершенной»; «Ей-ей, государь, от души тебе работаю и пренебрегаю живот свой; не благоволи никаким на мя наношениям верить, да не погибну напрасно в правде моей»⁷⁰; «Ей-ей, верен тебе есмь, яви ми, как поступлю: снисходить ли (их милостям [начальствующим лицам]) или надежно знать тебя единого. Означи ныне на дворе Генеральном, хотя мне со гневом, дабы я в делах твоих поступал смело и знали бы совершенно, что я в твоей милости»⁷¹. Некоторые детали расследований Курбатова были якобы столь опасны, что он не решался излагать их даже в личной переписке с царем: «Мог бы я, убогий, тебе, всемилостивейшему государю, и о ином доносить, но не вем о сих моих письмах. Истинно, государь, посреде хожду сетей многих, едино упование и во всем надежда моя — твоя, государева, милость»⁷². Хорошо знавший человеческую натуру Петр I с пониманием относился к страхам Курбатова и даже сам заранее предупреждал его об опасностях избранной им профессии при помощи цитаты из притчи царя Соломона: «Доносить доброе дело самим [т.е. царю], только надобно, смотря пользу по человеку, о чем и Приточник: Обличение нечестивому мозоли»⁷³. Долгие годы царь неизменно поддерживал своего «доносителя», не гневаясь на него за нелюбезные сообщения о действиях даже близких к нему доверенных лиц, таких как Головин, Ромодановский или Меншиков, и, наоборот, ободряя его:

Письмо Ваше, писанное из Москвы декабря 2 дня, до нас дошло, в котором описываешь <...> ратушского правления о делах <...> за которые будто господин генерал Меншиков имеет на вас вас досаду, в чем *не надлежит вам нимало опасатся, токмо во оных делах вам трудица правдою*⁷⁴.

Разоблачения Курбатова касались прежде всего нарушения интересов казны. Первым «воровством», о котором донес Курбатов, стало дело о беспорядках в изготовлении и продаже золотых и серебряных изделий в Москве⁷⁵. Суть предложенной Курбатовым идеи заключалась в устройстве корпорации золотых и серебряных дел мастеров, управляемой выборными старостами, обязанными пробировать изделия, осуществлять различные учетно-контрольные действия и собирать пошлины⁷⁶. Недовольные

⁷⁰ А.А. Курбатов — Петру I, 19 апреля 1706 г. и 4 октября 1706 г. (док-ты № 134 и 140).

⁷¹ А.А. Курбатов — Петру I, 11 января 1706 г. (док-т № 127).

⁷² А.А. Курбатов — Петру I, 25 октября 1700 г. (док-т № 5).

⁷³ Собственноручная помета Петра I на письме Курбатова. Б.д. (первая половина марта 1700 г.); док-т № 2.

⁷⁴ Петр I — А.А. Курбатову, 19 декабря 1706 г. (док-т № 147).

⁷⁵ Письмо А.А. Курбатова Ф.А. Головину от 16 марта 1700 г. (док-т № 3).

⁷⁶ Указ от 13 февраля 1700 г. // ПСЗ. Т. I. № 1752.

ремесленники и купцы попытались умастить Курбатова. Он принял их подарок с целью, как он утверждал, скомпрометировать самих подносителей, однако не только не пошел на свертывание реформы, но и предпринял попытки (не слишком успешные) распространить ее действие на другие города⁷⁷. С помощью своего протеже Хрипунова Курбатов и в последующие годы продолжал присматривать за делами в Серебряном ряду и в 1704 г. раскрыл там крупную махинацию, о которой уже говорилось выше в связи с делом о денежных дворах, приведшим к разрыву между Курбатовым и Головиным.

Успехи Курбатова в разоблачении злоупотреблений среди купечества можно считать главной причиной его назначения в начале 1705 г. инспектором Ратуши, учреждения, с которым Курбатов до тех пор регулярно конфликтовал по вопросам финансирования Оружейной палаты⁷⁸. Ратушей руководила коллегия выборных бурмистров из числа богатейших московских купцов, которая отвечала за взимание значительной части прямых и косвенных налогов с торгово-промышленного населения городов через посредство местных бурмистров, таможенных и кабацких голов и целовальников, выбираемых посадскими из своих рядов. Собирая налоги и подати, эти исполнители легко становились жертвой соблазна, и царь предоставил своему «доносителю» всю полноту власти для борьбы с коррупцией в этой среде: «рассмотреть Ратушу московскую со всеми ея околичностями <...> и если кто явится в каком воровстве, и на те порочных места выбирать бурмистров немедленно иных»⁷⁹. Курбатов развернул настолько бурную деятельность по расследованию участия «грацких бурмистров и знатных жителей в краже казны Вашей и в мирских премногих зборах для своих прихотей»⁸⁰, что Петру даже приходилось сдерживать и ограничивать его⁸¹.

В поисках «прибыли» для казны Курбатов не ограничивался разоблачением злоупотреблений, но изобретал и новые источники дохода. Один за другим следовали более или менее масштабные идеи и проекты, включая рационализаторское предложение, которое фактически лишило бы дьяков и подьячих Москвы значительной части их традиционных доходов, — самое яркое свидетельство того, что Курбатову была чужда корпоративная солидарность с приказной средой. Как известно, доходы дьяков

77 Приложение к письму Курбатова Петру I от 22 июня 1701 г.; А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 16 июня 1702 г. (док-ты № 7 и 19).

78 А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 1703 г. (док-т № 77).

79 Наказные статьи инспекторам ратушского правления // ПСЗ. Т. IV. № 2028.

80 А.А. Курбатов — Петру I, 19 апреля 1706 г. (док-т № 134).

81 Петр I — А.А. Курбатову, 5 марта 1707 г. (док-т № 152).

и подьячих приказов в Москве и приказных изб в провинции проистекали из двух источников (помимо предпринимательства и торговли, которыми занимались многие из них⁸²). Дьяки и подьячие, во-первых, получали (пусть не все и нерегулярно) жалование из казны и, во-вторых, взимали неофициальную плату с частных лиц за предоставляемые услуги (за составление и копирование документов, консультации, оказание помощи в судебных делах). Задолго до коллежской реформы и возникновения у Петра мысли о введении по примеру Швеции тарифа «акциденций» за административные услуги населению Курбатов предложил — вместо регулируемых одной лишь традицией неофициальных «взяч» «в почесть» — ввести официальные расценки на приказные услуги, собирать плату за них в отдельную кассу и из этих сумм (а не из доходов казны от налогов и податей) выплачивать жалование дьякам и подьячим⁸³. Попытка разработки тарифа административных услуг населению так и не была предпринята, однако откровения Курбатова по поводу благосостояния приказных служителей были услышаны властью: в 1704 г. Петр приказал временно заморозить выплату жалованья дьякам и подьячим, а в 1705 г. ввел прямой налог с их имущества и доходов (помимо жалованья)⁸⁴.

Говоря об инициативах Курбатова по наполнению казны, стоит упомянуть и до сих пор не замеченный историками любопытный эпизод, когда двое провинциальных подьячих, желая получить чин дьяка, просили Курбатова поспособствовать им и обещали ему аж 800 рублей. Курбатов предложил Петру пожаловать их чинами и взять деньги в казну⁸⁵. Прибыльщик в данном случае не развил свою мысль, но, по сути дела, возникновение такого прецедента могло бы привести к установлению в России отечественного варианта французской практики «продажи должностей» от короны (*vénalité des offices*). Это был бы более либеральный и, судя по опыту Франции, более эффективный способ наполнения казны за счет амбициозных приказных служителей, чем сокращение им жалованья, однако

⁸² *Joukovskaia A. Unsalaryed and Unfed: Town Clerks' Means of Survival in Southwest Russia under Peter I // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2013. Vol. 14. No. 4. P. 715–739.*

⁸³ Именной указ от 9 марта 1703 г. // ПСЗ. Т. IV. № 1928.

⁸⁴ Подробнее об этой реформе, которая нанесла непоправимый урон престижу и привилегиям чинов дьяка и подьячего: *Joukovskaia A. Перемены в фискальном статусе дьяков и подьячих в царствование Петра I и их социальные последствия // Cahiers du monde russe. 2014. Vol. 55. No. 1–2. P. 31–49.*

⁸⁵ «Доносил я тебе, государю, о Белогороцких двух подьячих, чтоб их пожаловать во дьяки <...> и в казну твою, государеву, дают [они] восьмьсот рублей. Как о сем поволит твое самодержавие и кому те деньги отдать повелишь» (А.А. Курбатов — Петру I, 1701 г.; док-т № 10).

Петр не обратил внимания на эту идею Курбатова, а новоиспеченный дьяк не решился настаивать. Известны и другие случаи, когда Курбатов превращал частную взятку в регулярный доход казны⁸⁶.

Среди характерных черт административного стиля Курбатова были не только склонность к «доносительству» и способность генерировать «прибыль», но и умение контролировать расходы. В годы службы в Оружейной палате Курбатов перехватил у своего коллеги дьяка Л.А. Домнина контроль за исполнением приказов царя и Головина по заготовке вооружения и другим менее крупным расходным статьям. Так, Курбатов фактически оттеснил пассивного Домнина от руководства Каменной канцелярией и, в частности, от строительства цейхгауза (крепость для защиты от шведов и арсенал — крупнейший архитектурный проект того времени, который велся в Москве под руководством западных инженеров, но в итоге был заброшен по причине переноса столицы в Санкт-Петербург). При этом Курбатов частично оплачивал работы по постройке цейхгауза из поступлений от введенного им же самим сбора за регистрацию частных актов: «...а денег, государь, я на то строение ныне имею тысяч десять, а другую десять при помощи божии надеюсь присовокупить сверх положенных в оклад денег»⁸⁷. В 1704 г. Курбатов сочинил «статьи о умножении пехотных и конных войск» на средства, полученные от упомянутого выше придуманного им сбора с дьяков и подьячих, и подал свой проект Меншикову, предлагая себя самого в качестве исполнителя⁸⁸. Оба этих примера демонстрируют отсутствие в петровское время четкой грани между государственным управлением и частным предпринимательством — по крайней мере в представлении такого деятеля, как Курбатов. Прибыльщик рассматривал «изобретенные» им казенные доходы как свои — не в том смысле, что стремился положить их в свой карман, но в том, что ему казалось естественным самому управлять расходом добытых им средств.

«Прибыльщицкие» инициативы Курбатова были связаны с большой личной ответственностью, поскольку, придумав новый источник дохода, он должен был не только наладить его эксплуатацию, но и, по давно устоявшейся в финансовом хозяйстве Московского государства традиции,

⁸⁶ «Торговья, государь, люди просят великого государя, дабы им имети на откупе покупку и продажу карт и картныя и зерновыя майданы пять лет <...> Они ж обещали от того дела *мне* давать по две тысячи рублей в год <...> а о том от них скрыто, что *то прибавлено им будет в платеж откупа ж*» (А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, август 1704 г.; док-т № 107).

⁸⁷ А.А. Курбатов — Петру I, 20 октября 1710 г. (док-т № 191).

⁸⁸ А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 3 сентября 1704 г. (док-т № 108).

поддерживать сборы на определенном уровне из года в год. Бремя этой ответственности наложило своеобразный отпечаток на характер бухгалтерской отчетности, которую Курбатов, подобно другим руководителям ведомств, представлял в Ближнюю канцелярию — учреждение, созданное Петром для контроля за финансами и разработки государственного бюджета. Так, в отчетной документации по крепостным делам поражает отсутствие расчетов чистого дохода, несмотря на наличие в ней необходимых для этого данных. Подьячие ежегодно высчитывали валовый «приход» и операционный «расход», но никогда не сопоставляли эти цифры. Слово *доход* вообще не встречается в отчетной бухгалтерии крепостного дела, хотя методы управления Курбатова не оставляют сомнения, что он имел вполне четкое представление об отличии прихода от дохода в смысле чистой прибыли. Кроме того, Курбатов имел привычку суммировать «приход», полученный «ево усмотрением», за несколько лет подряд. Абсурдные с бухгалтерской точки зрения приемы Курбатова преследовали цель представить его финансовые достижения в наиболее выгодном свете, однако были слишком наивны и лишь делали его несколько смешным во время докладов Петру: «Сегодня господин Курбатов *подавал свою прибыль*; невозможно было не токмо государю, и нам с стороны слушать»⁸⁹.

Гербовая пошлина

Невинное тщеславие Алексея Александровича не умаляло его реальных заслуг перед государством. Некоторые из них заслуживают особенного внимания. В исследовании Д.О. Серова показано, как «изобретение» Курбатовым гербовой бумаги стало решающим шагом на пути превращения этого «боярского человека» в царского слугу. Но значение разработанных и проведенных им реформ в области составления частных актов и их государственной регистрации выходит далеко за рамки индивидуальной биографии Курбатова. Они повлияли на ход ежедневной жизни миллионов жителей России и, в отличие от многих других начинаний Петровской эпохи, оставались в силе на протяжении более чем столетия. Собранные по крупицам в архивах разных учреждений документы «крепостного дела» позволяют расширить и дополнить картину, обрисованную Д.О. Серовым. Полностью спланированные Курбатовым и реализованные под его единоличным руководством, эти реформы дают превосходный материал для анализа «роли личности в истории» на одном конкретном кейсе.

⁸⁹ В.В. Степанов — П.П. Шафирову, 19 декабря 1707 г. // ПиБ. Т. 6. С. 558.

Описываемые события, как известно, уходят в историю европейского путешествия Бориса Петровича Шереметева. Когда летом 1698 г. боярин и его свита пустились в обратный путь, сам Шереметев решил возвращаться домой не спеша, но Курбатову приказал ехать в Россию кратчайшим путем, нигде не задерживаясь. В результате Алексей Александрович прибыл в Москву на два-три месяца раньше своего господина⁹⁰. Оказавшись вдали от хозяйского глаза, Курбатов занялся довольно неожиданным для человека его положения делом: вдохновляясь свежими впечатлениями от некоторых реалий юридического быта Западной Европы, Алексей Александрович составил проект введения в России нового налога — так называемого гербового сбора.

Остановливаясь в городах Италии, таких как Флоренция, Венеция или Неаполь, Курбатов везде мог наблюдать схожие порядки: когда жителям этих мест требовалось составить завещание, дарственную, контракт купли-продажи, договор о найме или другой документ, который при необходимости можно было бы предъявить в суде, они чаще всего обращались к нотариусу и были обязаны пользоваться специальной бумагой с государственным гербом. Продажа такой бумаги составляла один из традиционных источников казенных доходов в европейских государствах. Впервые введенный в Голландии в 1620-е годы, гербовый сбор получил к концу XVII столетия почти повсеместное распространение и даже успел послужить поводом для антифискальных выступлений населения, местами бурных и кровопролитных. Шире всего гербовый сбор применялся во Франции. В то самое время, когда Курбатов возвращался в Россию, право на торговлю гербовой бумагой от имени французского короля как раз перешло в руки нового откупщика — крупной финансово-торговой компании, которая содержала для проведения этих операций многочисленный персонал: директора, хранителя главного склада, группу инспекторов и как минимум по одному торговому агенту на каждый населенный пункт, не говоря уже о техническом персонале для клеймения и транспортировки бумаги. Расходы компании должны были окупаться с лихвой, ибо королевские ордонансы обязывали покупать гербовую бумагу не только частных лиц, нуждавшихся в ней для заключения нотариально заверенных актов, но и всех чиновников суда и администрации, а также коммерсантов для ведения делопроизводства во всем его объеме⁹¹. В России также издавна

⁹⁰ Курбатов должен был доехать до Москвы в ноябре-декабре 1698 г.

⁹¹ *Instruction pour les commis employez à la Ferme du papier et parchemin timbré dans toutes les generalitez du royaume de France. Ouvrage aussi utile à Messieurs fermiers qu'aux commis.* Paris, 1698.

существовала обязанность регистрации, или «записки», некоторых видов актов, которая сопровождалась уплатой небольшой пошлины (о чем будет рассказано ниже). Однако в России, в отличие от Европы, акты записывались на обычной бумаге, торговля которой приносила казне лишь незначительный доход в форме таможенных пошлин с купцов, импортировавших бумагу на территорию Московского государства.

Излагая свое предложение в форме анонимного письма на имя царя, Курбатов прибегал ко вполне традиционному способу коммуникации царских подданных с властью. Выбор Ямского приказа в качестве места «подмета» письма объяснялся, видимо, надеждой на то, что руководивший этим учреждением боярин Федор Алексеевич Головин, пользовавшийся личным доверием Петра, мог незамедлительно передать послание царю. Действительно, в тот же день таинственное письмо, запечатанное двумя красными печатями и украшенное надписью «Поднести благочестивому государю нашему царю Петру Алексеевичу не распечатав», было обнаружено и доставлено по назначению⁹².

Алексей Александрович планировал объявить о своем авторстве, только удостоверившись, что царю понравился его проект. Выбор Головина в качестве посредника объяснялся не только доверием к нему Петра I, но и тем фактом, что Головин приходился родственником Шереметеву и поддерживал с ним дружелюбные отношения⁹³. Как дворецкий Шереметева, Курбатов, несомненно, был знаком с Головиным и, возможно, успел еще ранее заслужить его благосклонность. Крайне интересен вопрос о том, действовал ли Курбатов с ведома своего господина или за его спиной. Первое предположение кажется более вероятным. По некоторым сведениям, Шереметев опасался обвинений в причастности к организации стрельцкого бунта, произошедшего летом 1698 г.⁹⁴ Следствие над стрельцами началось в конце июня, когда боярин еще находился в Италии. Шереметев был предан Петру, однако недоброжелатели Бориса Петровича при дворе могли воспользоваться его отсутствием, чтобы опорочить его в глазах царя. Вполне возможно, что Шереметев выслал Курбатова в Москву вперед себя с заданием выяснить настроение Петра. И не будет ничего невероятного в предположении, что боярин заранее одобрил идею с подачей проекта о гербовой бумаге — в надежде, что Петр отнесется к его персоне тем более

⁹² Дневные записки И.А. Желябужского // Рождение империи. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 312.

⁹³ Заозерский А.И. Фельдмаршал Шереметев и правительственная среда Петровского времени // Россия в период реформ Петра I. М.: Наука, 1973. С. 189–190.

⁹⁴ Путешествие по Европе боярина Б.П. Шереметева, 1697–1699 / под ред. Л.А. Ольшеской, А.А. Решетовой и С.Н. Травникова. М.: Наука, 2013. С. 284.

благоклонно, чем больше знаков ревности к государеву интересу выкажет он сам и его «люди». Так или иначе, избранный Курбатовым метод действия был столь же осторожен, сколь верен был его расчет. Предложенный Алексеем Александровичем способ «пополнить его, великого государя, казну» показался Петру весьма привлекательным, и всего четыре дня спустя после обнаружения подметного письма был составлен и подписан соответствующий указ, согласно которому надлежало «для укрепления во всяких делах крепостей <...> держать на Москве во всех приказах, и в городах, и в пригородках, и в волостях, где приказные избы есть, бумагу под гербом его, великого государя»⁹⁵.

Клеймение бумаги и организация ее продажи были поручены Оружейной палате, прежде всего из соображений практического характера. Во-первых, Оружейная палата была единственным в России того времени учреждением, где можно было найти мастеров редкой профессии — гравиров, способных вырезать необходимые печати. Во-вторых, доходы, ожидавшиеся от продажи «гербов», должны были помочь палате в выполнении ее главной функции — срочной заготовке вооружения для предстоявшей войны со Швецией. Впрочем, определенную роль в выборе Оружейной палаты сыграли и соображения личного плана: по удачному «совпадению», ее главным руководителем был не кто иной, как уже упомянутый боярин Головин, принявший на себя ответственность за сообщение царю о таинственном подметном письме.

Интересно, что в указе о гербовой бумаге ни словом не упоминалось о вдохновителе этого нововведения. Однако такое умолчание не означало, что Курбатов был оставлен без награды. Современникам и без официального объявления было известно, что именно «за ту прибыль дано ему дьячество и велено ему сидеть в Оружейной палате и сборы всякие ведать»⁹⁶. То был первый в истории Московского государства случай, когда боярский «человек» оказался возведен в чин дьяка. Столь необычайное пожалование, нарушавшее традиции и резко вторгавшееся в сферу частных интересов одного из виднейших царских подданных (Шереметев таким образом лишался своего дворецкого), не могло произойти без предварительных переговоров между заинтересованными сторонами, на которые ушло более десяти месяцев. Пожалование Курбатова, состоявшееся 31 октября 1699 г.⁹⁷, создало прецедент, которым Петр I не раз пользовался в

⁹⁵ Указ от 23 января 1699 г. // ПСЗ. Т. III. № 1673.

⁹⁶ Дневные записки И.А. Желябужского. С. 312.

⁹⁷ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): биограф. справ. М.: Памятники исторической мысли, 2011. С. 303.

дальнейшем для привлечения на административную службу талантливых дельцов из боярских «людей».

Запуск производства гербовой бумаги не потребовал особых организационных усилий. За первые полгода силами персонала Оружейной палаты ее было «наклеено много число»⁹⁸. Однако с реализацией бумаги с самого начала возникли непредвиденные сложности. Курбатову было поручено организовать гербовый сбор на всей территории Московского государства, но Оружейная палата не располагала сетью местных учреждений или агентов, которые могли бы взять на себя продажу бумаги по всей России, доставку вырученных денег в Москву, меры по борьбе с изготовителями фальшивой бумаги и т.д. Традиционным для Московского государства был сбор податей через приказы в Москве и подведомственные им учреждения (приказные избы) в остальных городах. Альтернативная система возникла в 1699 г., когда Петр I разрешил жителям городов выбирать бурмистров — представителей местного самоуправления. В 1699–1700 гг. власти четыре раза публиковали противоречащие один другому указы по поводу того, кому именно, приказам или выборным бурмистрам, следует заведовать торговлей бумагой. Продажа через бурмистров представлялась более выгодной для казны, поскольку предполагала получение доходов авансом: согласно соответствующему указу, клейменую бумагу следовало передать бурмистрам, «а деньги за тое клейменую бумагу взять у них бурмистров ныне». При этом бурмистры обязаны были продавать бумагу по фиксированным ценам: «ценою против сего его великаго государя указу»⁹⁹. К сожалению, мы не знаем, кто был автором этого замечательного закона, навязывавшего купцам откуп государственной регалии с одновременным запретом получения прибыли от ее эксплуатации. Вполне вероятно, что эта своеобразная вариация *tax farming* в духе российского самовластия родилась в уме Курбатова: данная мера соответствовала как свойственному ему стремлению выжимать средства из зажиточной части купечества, так и его недоверию к приказному управлению.

В конечном итоге обязанность продавать гербовую бумагу была закреплена за бурмистрами¹⁰⁰. К концу 1701 г. им удалось реализовать бумаги менее чем на 20 тысяч рублей по всей России (в последующие годы среднегодовой доход составлял около 14 тысяч рублей¹⁰¹). Между тем бумаги было заготовлено на 300 тысяч рублей. Вероятно, власти и не надеялись,

⁹⁸ Именной указ от 13 ноября 1699 г. // ПСЗ. Т. III. № 1717.

⁹⁹ Именной указ от 12 октября 1699 г. // ПСЗ. Т. III. № 1703.

¹⁰⁰ Именной указ от 24 мая 1700 г. // ПСЗ. Т. IV. № 178.

¹⁰¹ Милюков П.Н. Государственное хозяйство... С. 109.

что весь запас удастся продать за один год, однако трудно также предполагать, что они сознательно заготовили бумагу на двадцать лет вперед. Очевидно, что доход от продажи гербовой бумаги оказался значительно более скромным, чем ожидалось. Почивать на лаврах прибыльщику было рано, следовало найти новый способ пополнения государственной казны, и Курбатов взялся за переустройство крепостного дела.

Крепостное дело

Во избежание недоразумений позволим себе напомнить, что в XVIII в. выражение «крепостное дело» не вызывало ассоциаций ни с крепостным правом, ни со строительством крепостей. «Крепостью» в широком смысле слова называли письменные акты, а в узком смысле — акты, заверенные в судебно-административных учреждениях (изначально — в приказах); под крепостным делом понимали деятельность, касающуюся оформления частных актов и сбора пошлин за их регистрацию. Проведенные Курбатовым реформы определяли положение дел в этой важной области на протяжении последующих полутора веков, вплоть до реформы 1866 г. — официальной даты рождения института нотариата в России¹⁰².

До появления Курбатова на исторической сцене та область юридического быта, которую мы сегодня называем нотариатом, регулировалась преимущественно традицией¹⁰³. Соборное уложение 1649 г. (главное собрание законов Московского государства, продолжавшее действовать и в царствование Петра I) содержало лишь ограниченное число базовых требований к составлению актов. На центральных площадях городов можно было встретить писцов, которых называли площадными дячками или площадными подьячими и которые оказывали платные услуги по составлению актов любого типа — от расписок до завещаний. Учитывая, что в Московском государстве не имелось ни школ, ни юридических пособий, площадные подьячие учились друг у друга и передавали опыт из поколения в поколение. В каждом городе существовала более или менее своеобразная местная традиция письменного оформления актов различного содержания. Не исключено даже, что местные традиции оказывали влияние не только на форму актов, но и на их юридическое содержание: площадные подьячие

¹⁰² Высочайше утвержденное Положение о нотариальной части 14 апреля 1866 г. // ПСЗ. Собрание второе. 1825–1881 гг. Т. XLI. № 43186. СПб., 1866.

¹⁰³ Слово «нотариус» было впервые употреблено в законе в Вексельном уставе 1729 г. Нотариусы XVIII в. занимались оформлением коммерческих сделок, чаще всего с участием иностранных купцов.

в Новгороде Великом выработали, возможно, несколько иные представления о социально приемлемом юридическом поведении, чем их коллеги где-нибудь на другом конце обширного и мультикультурного Московского государства¹⁰⁴. Впрочем, обращаться к профессионалам было совершенно не обязательно: любой грамотный человек мог написать акт для себя или другого лица. Условием признания действительности акта в царском суде являлся не статус его составителя, а соблюдение ряда формальностей — такой, например, как наличие свидетелей. Кроме того, некоторые особенно важные виды сделок (сделки с землей, дворами, лавками и крепостными людьми) оставались в глазах царской власти недействительными, если заключившие договор стороны не представили акт к «записке» в соответствующем административном учреждении (продать корову или составить стоворную запись о свадьбе можно было и без регистрации). «Записка» сопровождалась уплатой пошлины, однако требование регистрации актов мотивировалось в данном случае не столько фискальными интересами, сколько стремлением центральной власти удерживать контроль за движением некоторых видов собственности.

В XVII в. «записку» производили московские приказы, и не подлежит сомнению то, что значительная часть сделок между жителями провинциальных городов не подвергалась данной процедуре, а это означало, что от казны ускользала часть законного дохода. Кроме того, крепостное законодательство времен Алексея Михайловича носило крайне неполный, бессистемный, казуистический характер, поэтому в юридическом быту населения должны были ежедневно возникать вопросы, на которые при всем желании невозможно было найти ответ в существующих законодательных актах. Нельзя сказать, чтобы Курбатову удалось сделать крепостное законодательство по-настоящему упорядоченным, однако оно, безусловно, стало более полным, а также более жестким. Трудно с уверенностью ответить на вопрос, планировал ли Курбатов заранее те масштабные перемены, которым он подверг многовековую традицию площадного письма. Начавшись с узкотехнической задачи производства и продажи гербовой бумаги, крепостное дело за несколько лет превратилось в особую область управления, включавшую, с одной стороны, ряд законодательных, фискально-административных и контрольно-финансовых действий, целью

¹⁰⁴ К примеру, в г. Севске в первой четверти XVIII в. имела место мода на «разводные письма» — тип документа хотя и известный, но сравнительно редкий в других городах России. См.: *Joukovskaia A. A Living Law: Divorce Contracts in Early Modern Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2017. Vol. 18. No. 4. P. 661–682.*

которых был сбор гербовой и регистрационной пошлин, а с другой стороны, примыкавший к этому комплекс мероприятий по ведению следствий и судебных дел, спровоцированных указанными действиями или косвенно связанных с ними.

К моменту подведения упомянутых выше не слишком блестящих итогов первого года торговли гербовой бумагой Курбатов успел подстраховаться, проведя новые законодательные меры, которые должны были повысить потребление бумаги и увеличить сбор пошлин от регистрации актов. 30 января 1701 г. Петр утвердил составленные Курбатовым «доношение и статьи», которые стали первым шагом на пути создания специализированного органа по управлению крепостным делом¹⁰⁵. При этом Курбатов обещал царю, что если его проект «на Москве и в городех совершенно [уста]вится», то дополнительный доход превысит 10 тысяч рублей в год¹⁰⁶. Замысел Курбатова заключался, во-первых, в том, чтобы создать в Москве и других городах особые группы сравнительно хорошо оплачиваемых подьячих новой категории, «крепостных дел подьячих», поставленных под надзор специально назначенных и еще лучше оплачиваемых «надсмотрщиков», которые получают монополию на письмо актов. Напомним, что указами двух предыдущих лет было отменено существовавшее веками традиционное право площадных подьячих и частных лиц на письмо актов, в результате чего составить акт законным образом стало возможным только в Москве, в одном из приказов, которые занимались их регистрацией¹⁰⁷. Эта мера оказалась поспешной и недостаточно продуманной, ибо не учитывала нужды большинства жителей страны, которые не могли ездить в столицу ради каждой совершаемой ими крепостной сделки. Учреждая подьячих крепостных дел в городах, Курбатов решал возникшую проблему. Выбор и назначение этих должностных лиц на несколько лет стали его личной прерогативой. Стихийная фаза развития российского нотариата, таким образом, завершилась: на смену площадным дьячкам и подьячим — своего рода народным нотариусам, зависевшим от выбора и доброй воли местного населения, — пришли подьячие крепостных дел, т.е., по сути, чиновники, зависевшие от казны и воли административной иерархии.

Еще одна важнейшая мера, предусмотренная указом от 30 января 1701 г., касалась процедуры регистрации частных актов. Указы 1699–1700 гг. внесли длинный ряд подтверждений и уточнений в крайне расплывчатое

¹⁰⁵ Именной указ от 30 января 1701 г. // ПСЗ. Т. IV. № 1833.

¹⁰⁶ А.А. Курбатов — Петру I, 22 июня 1701 г. (док-т № 6).

¹⁰⁷ Именной указ от 9 декабря 1699 г. // ПСЗ. Т. III. № 1732.

законодательство второй половины XVII в. на тему того, какие именно виды сделок подлежат обязательной регистрации (под угрозой признания их недействительными) и где их полагается регистрировать: речь шла о сделках с недвижимостью и крепостными людьми¹⁰⁸. Теперь государство сделало гигантский шаг вперед, объявив недействительными (не подлежащими рассмотрению в суде) и незаконными (облагающимися штрафом) все без исключения письменные акты, не прошедшие процедуру регистрации. Таким образом, благодаря Курбатову в России начала складываться своего рода единая нотариальная база данных: каждый (или почти каждый) город обзавелся специализированным учреждением, в котором стали накапливаться копии всех зарегистрированных населением актов (теоретически — всех заключенных сделок), так называемые книги записи крепостей.

В подготовленных им текстах указов Курбатов старался убедить царя и его подданных в том, что вводимые меры улучшат, выражаясь языком нашего времени, качество нотариального обслуживания населения: любой утерянный акт можно будет с легкостью восстановить по книгам записи крепостей; появится возможность контролировать содержание актов, т.е. избегать хитростей, уловок или ошибок со стороны нечестных или юридически неграмотных писцов. Насколько реализовались эти надежды на практике, судить довольно трудно. Зато фискальное значение реформы очевидно вполне. Во-первых, с возрастанием числа регистрируемых актов увеличивался сбор старой пошлины. Во-вторых, Курбатов учредил новые крепостные сборы: «за письмо», «за записку» и «за надсмотр и подписку» (не считая платы за гербовую бумагу), — подчинявшиеся официальному тарифу. Часть поступлений от этих сборов использовалась на оплату труда подьячих и надсмотрщиков крепостных дел, а остальное направлялось в казну.

За первые восемь лет крепостные сборы по Москве составили в среднем 8300 рублей в год. Среднегодовой валовый сбор по всем остальным городам, где удалось учредить крепостное дело (при Курбатове таких было по меньшей мере 97), составил 13 тысяч рублей. В Москве, где протежируемые Курбатовым писцы и надсмотрщики получали большое жалованье, около 20 процентов сборов уходило на операционные расходы; в провинции этот процент мог быть значительно ниже. Если прибавить

¹⁰⁸ Указ от 9 декабря 1699 г. // ПСЗ. Т. III. № 1732; приговор Ратуши от 1 января 1700 г. // Там же. Т. IV. № 1740; указ от 18 февраля 1700 г. // Там же. № 1767; указ от 26 февраля 1700 г. // Там же. № 1769; указы от 30 мая 1700 г. // Там же. № 1793–1794; указы от 24 января 1701 г. // Там же. № 1830–1831.

к пошлинам и сборам за регистрацию крепостей доход от продажи гербовой бумаги, то окажется, что средний чистый доход составлял около 35 тысяч рублей в год — около полутора процентов тогдашнего государственного бюджета¹⁰⁹. Конечно, часть (небольшая) этой суммы не была по-настоящему новым государственным доходом, поскольку пошлины с крепостей собирались и до Курбатова. Алексей Александрович снова схитрил, преувеличив обеспеченную им «прибыль» путем учета этой старой пошлины. В данном случае его заслуга состояла не столько в «изобретении» нового источника дохода, сколько в том, что он сделал его величиной, поддающейся учету в бюджете. Такого рода проявление (пользуясь термином фотографов) доходов казны составляло важную часть петровской финансовой рационализации.

Утверждение курбатовского проекта в указе от 30 января 1701 г. де-факто поставило Алексея Александровича во главе крепостного дела, однако фактически он оставался дьяком Оружейной палаты. Как и в случае с организацией Навигацкой школы, о которой будет рассказано ниже, устройство крепостного дела мыслилось как личное поручение Курбатову. Выполнение обеих этих задач требовало разработки соответствующих структур: определения круга деятельности, иерархии подчинения; создания законодательной базы, каналов передачи информации; установления порядка делопроизводства; формирования штата исполнителей, архива; наличия помещения и т.д. Иными словами, в обоих случаях нужно было, как удачно выразился С.Б. Веселовский, «превратить личное поручение в учреждение»¹¹⁰. Однако создание сети крепостных контор по всей империи — задача совершенно иного масштаба, чем организация одного учебного заведения с двумя-тремя учителями, и ее выполнение потребовало от Курбатова значительно больших усилий.

Царское поручение давало Алексею Александровичу достаточную власть, чтобы занять положение хозяина в столичном крепостном деле: указом от 30 января было создано специальное учреждение для письма актов — Палатка крепостных дел, — и управление ею поручено Оружейной

¹⁰⁹ Жуковская А.В. От поручения к учреждению... С. 339–342.

¹¹⁰ «Практика, — писал историк, — выработывала однообразные приемы решения дел, а житейская логика заставляла подчиняться им. С течением времени возникла потребность в архиве для хранения различных дел и в постоянном штате знающих дело служащих. Так постепенно центр тяжести переходил с лиц на дело и личное поручение превращал в учреждение. Этот переход совершался путем практики, без сознательно поставленной цели, так что очень трудно, часто даже совсем невозможно сказать, когда именно возник данный приказ как учреждение» (Веселовский С.Б. Приказной строй управления Московского государства // Русская история в очерках и статьях / под ред. М.В. Довнар-Запольского. Т. 3. Киев, 1912. С. 164).

палате, т.е. Курбатову. Но в провинциальных городах власть принадлежала воеводам, которым дьяки Оружейной палаты не могли отдавать приказаний. Согласно порядку межведомственного подчинения Курбатову приходилось сноситься с каждым городовым воеводой через посредство приказа, ведавшего данный город, а те с удовольствием откладывали распоряжения «чужого» дьяка в долгий ящик. Убедившись в этом, Курбатов добился позволения разослать городовым воеводам грамоты с инструкциями об организации крепостного дела напрямую из Оружейной палаты¹¹¹. В течение нескольких лет Курбатову приходилось удовлетворяться этой символической победой, которая мало что меняла по сути: воеводы по-прежнему не считали себя ни подчиненными, ни подотчетными Оружейной палате, и Разрядный приказ поддерживал их в этом убеждении¹¹².

Однако в начале 1705 г. ситуация изменилась. Упомянутые выше начаты Курбатовым расследования об уклонении некоторых купцов от уплаты податей убедили Петра в необходимости учредить внешний контроль над выборной купеческой администрацией — Ратушей. Курбатов, зарекомендовавший себя как следователь неподкупный и целеустремленный, который, с одной стороны, не боялся навлечь на себя гнев «не точию от просточинных, но и от великочестных»¹¹³, а с другой — располагал ценными связями в купеческой среде и готов был употреблять их на пользу великого государя, идеально подходил на эту роль. В результате 9 февраля 1705 г. Петр создал уже упомянутую новую должность «инспектора Ратушского правления» и назначил на нее Курбатова¹¹⁴. По специальному распоряжению Петра пожалование было объявлено за несколько часов до того, как он стал крестным отцом сына Алексея Александровича. Таким образом, оно приобрело лестную форму знака личного доверия и благодарности Курбатову со стороны царя. Это назначение одновременно явилось вершиной карьеры Курбатова, важной страницей в истории финансово-го управления России и поворотной вехой в развитии крепостного дела.

Встав во главе Ратуши (органа, которому подчинялись бурмистры всех городов), Курбатов оказался во главе сети агентов местного управления, которые, в отличие от воевод, находились в его прямом иерархическом подчинении. Кажется, было бы естественным в этот момент передать контроль над провинциальным крепостным делом от воевод бурмистрам

¹¹¹ Указ от 30 апреля 1701 г. // РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 45 об.

¹¹² Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 13 августа 1703 г. (док-т № 65).

¹¹³ А.А. Курбатов — Петру I, 10 апреля 1706 г. (док-т № 132).

¹¹⁴ Наказные статьи инспекторам ратушского правления от 9 февраля 1705 г. // ПСЗ. Т. IV. № 2028.

(тем более что, как было сказано выше, прецедент был создан уже в 1700 г., когда бурмистры получили в свое распоряжение продажу гербовой бумаги). Однако такая мера, хотя и соответствовала свойственному Петру стремлению к функциональной рационализации, шла вразрез с не менее важным для этой эпохи принципом личного поручения. Проблема заключалась в том, что крепостное дело было изначально поручено не Курбатову лично, а Оружейной палате, т.е. ее начальнику Головину. Вывести это дело из сферы компетенции боярина без всякой вины с его стороны означало бы оскорбить его. С другой стороны, нельзя было оставить крепостное дело в ведении Оружейной палаты, после того как Курбатов, настоящий творец и распорядитель этого дела, вышел из подчинения Головина и сам стал главой Ратуши. Понадобилось полгода, чтобы московская административная мысль нашла изящный выход из создавшегося противоречия. Если раньше формуляр входящих и исходящих бумаг по крепостным делам выглядел следующим образом: «В Оружейной палате боярин Головин с товарищи», то с июня 1705 г. он изменился на: «боярин Федор Алексеевич Головин да инспектор ратушского правления Алексей Александрович Курбатов»¹¹⁵. Одновременно доходы от крепостных дел стали обозначаться как присланные «ратужского правления *от инспектора*», а не «*из Ратуши*», как писали по поводу других сумм¹¹⁶. Иными словами, крепостное дело мыслилось как общее поручение, данное Головину и Курбатову в их личном качестве, а не как сфера компетенции Оружейной палаты и Ратуши.

Головин редко вмешивался в управление крепостными делами, но реальная власть над ними принадлежала именно ему. После назначения главой Ратуши Курбатов ушел из Оружейной палаты, так сказать, с портфелем (он вывез крепостной архив из помещения Палаты) и командой (он увел с собой Хрипунова и Обухова), однако без денег. По словам осведомленного современника, ему пришлось согласиться на «договор» с Головиным, согласно которому он обязывался ежегодно присылать в Оружейную палату 25 тысяч рублей из крепостных доходов¹¹⁷. Данная сумма составляла львиную долю этих доходов (а в некоторые годы превышала их). Очевидно, что столь важная мера, как передача контроля над крепостными делами в провинции от воевод к бурмистрам, не могла быть принята без согласия Головина. Но Курбатов, окончательно поссорившийся с Головиным в

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 52259–52260.

¹¹⁶ Приходо-расходные ведомости Оружейной палаты 1705 г. // РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986, 997, 1002.

¹¹⁷ Слово «договор» употребляет в письме Ф.А. Головину П.П. Шафиров, находившийся в курсе всех расчетов с Курбатовым (ПиБ. Т. 4. С. 814).

конце 1704 г., не мог более рассчитывать на его поддержку. Правда, Алексей Александрович имел возможность обращаться к царю в обход Головина, однако он прибег к этому крайнему средству, лишь когда почувствовал, что собрал достаточное количество неопровержимых доводов против сохранения воеводского управления крепостными делами.

Конфликт между Курбатовым и воеводами стал неизбежным следствием указа «о надзоре» от 22 июня 1704 г.¹¹⁸ Этот указ, принятый якобы в ответ на челобитную жителей Ярославля, предоставил населению городов право выбирать «надзорщиков крепостных дел». Обязанности надзорщиков дублировали прерогативы воевод в данной сфере управления. Учитывая, что выбор горожан должен был утверждаться Оружейной палатой, надзорщики оказывались, по сути, шпионами Курбатова, приставленными к воеводам. Одним из первых городов, где появился надзорщик (его звали Матвей Жданов), стала Вологда. Вскоре после утверждения Жданова в должности надзорщика воевода Вологды перестал высылать в Москву крепостные доходы. Помощник Жданова Семен Акишев специально приехал в Москву для доклада о конфликте с воеводой, и Курбатов, даже не дав воеводе возможности объясниться, просто-напросто отстранил его от контроля над крепостным делом «за неисправлениями» и передал его обязанности Жданову и Акишеву. Строго говоря, Курбатов превысил в данном случае свои полномочия, однако к этому моменту он, по-видимому, уже чувствовал себя достаточно подготовленным, чтобы представить Петру обвинительное досье на воевод в целом. Это досье, составленное не только из доношений надзорщиков, но и из письменных жалоб населения, а также из отчетов ревизоров и судебных следователей, которых Курбатов заблаговременно командировал в ряд городов, произвело искомый эффект. Всего пять недель спустя Петр подписал указ о повсеместном изъятии крепостного дела из ведомства воевод¹¹⁹.

После смерти Головина (боярин скоропостижно скончался 30 июля 1706 г.) Курбатов немедленно прекратил выплату крепостных сборов Оружейной палате. Преемник Головина в этом учреждении, Ф.М. Апраксин, прекрасно понимал личностную, а не институциональную природу треугольника Головин — Курбатов — крепостное дело: «Ежели не уехал господин Курбатов, — писал Апраксин Петру, — изволишь ему наказать с прещением, чтоб он окладные денги прислал: боюсь тово, чтоб не остановить

¹¹⁸ Полный текст указа не обнаружен, однако содержится в приказной выписке по делу Матвея Жданова (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2087. Л. 17, 22 об.).

¹¹⁹ Именной указ, объявленный из Оружейной палаты, 8 января 1706 г. // ПСЗ. Т. IV. № 2087.

оружейных дел и всяких полковых припасов; а без подтвердителнова указу от него никакой пользы не будет и слушать ни в чем не станет. Умилосердися, государь, не остави меня в том моем бедстве, прикажи ему подтвердить, чтоб он окладные денги по указом давал без задержания»¹²⁰. Реакция царя на это прошение неизвестна, как неизвестно и то, чьи счета, Апраксина или Курбатова, адекватно отражали реальное положение дел. Оружейная палата утверждала, что получила от Курбатова 15 760 рублей в 1706 г. и 4000 рублей в 1707 г., тогда как Курбатов доказывал, что «окладные» 25 000 рублей за оба года были отпущены в Оружейную палату «сполна» и даже с опережением графика. Так или иначе, в представлении Курбатова, со смертью Головина не осталось никакой связи между крепостным делом и Оружейной палатой, поэтому не прошло и месяца после похорон его первого «патрона», как он добился от царя разрешения отсылать упомянутые «окладные денги» в Ратушу, по удачному совпадению состоявшую под его же управлением¹²¹.

Ратуша получила доходы от крепостных дел, но не полномочия по управлению этими делами, которые достались специально учрежденному для этого новому ведомству — Приказу крепостных дел. В традиционном для московского государства стиле возникновение этого приказа стало результатом ряда не связанных друг с другом эпизодов в личной карьере Курбатова. После ухода из Оружейной палаты в 1705 г. Курбатов перевез крепостные бумаги «на казенный двор при цейхоусном строении». Это помещение находилось в его ведении с тех пор, как Петр поручил ему руководить строительством цейхгауза (поскольку, как уже было упомянуто, строительные работы оплачивались из крепостных доходов). Однако в 1707 г. здание забрал для каких-то своих надобностей всесильный Меншиков, выселив Курбатова с его подьячими из обжитых помещений, повелев «перенести крепостные дела, куда пристойно». Переселяться в помещение Ратуши, однако, Алексей Александрович не хотел: он не являлся ее единоличным начальником, а был лишь старшим членом коллегии инспекторов и бурмистров, делить с которыми контроль над крепостными делами он желания не испытывал. В итоге Курбатов решил, что наиболее «пристойным» прибежищем для крепостных бумаг будет Палатка крепостных дел на Ивановской площади Кремля.

Здание, в котором располагалась «палатка», имело давнюю историю. В XVII в. в этом помещении площадные подьячие писали акты для москвичей и гостей столицы. В начале следующего столетия здесь стали

¹²⁰ Ф.М. Апраксин — Петру I, 25 августа 1706 г. // ПиБ. Т. 4. С. 994.

¹²¹ Указ Петра I Курбатову в письме от 11 марта 1707 г. (док-т № 153).

продавать гербовую бумагу и здесь же разместили «излюбленных» (т.е. выбранных) Курбатовым новоучрежденных подьячих крепостных дел. В 1705–1706 гг., когда Курбатов смог более свободно распоряжаться крепостными доходами, «палатка» была отремонтирована и значительно расширена по его приказу: теперь это было солидное каменное здание с десятком окон, на постройку которого ушло более 500 рублей. В 1707 г. Курбатов перенес сюда свой кабинет и приемную. Подьячие обставили одно из помещений «палатки» подобающим образом: куплены были оловянная чернильница и медный подсвечник на «судейский стол», а также три окованных железом ящика для хранения денежной казны; установлены железные запоры на шкафы для бумаг и на дверь. Данное Алексею Александровичу личное поручение и вправду начинало обретать черты учреждения. Однако для завершения процесса институциональной кристаллизации не хватало важной детали — приличного названия. Курбатов не мог без «утерки для чести чина» заседать в какой-то там «палатке». Ее необходимо было переименовать в «приказ». Следов обращения Курбатова к царю для решения этой проблемы не сохранилось. По всей видимости, Алексей Александрович решил не добиваться именного указа на эту тему, а обратиться напрямую к руководителям приказов, требуя от них признания равноправного статуса для ведомства крепостных дел в текущем делопроизводстве. Учитывая влиятельное положение Курбатова как главы Ратуши, можно было рассчитывать, что начальники приказов не откажут ему в этом символическом жесте.

Аргументируя необходимость официального переименования «палатки» в «приказ», Курбатов вовсе не прибегает к доводам лично-иерархического порядка, а ссылается на (реальные и фиктивные) прецеденты, выдвигая чисто функциональные соображения, такие как широта компетенции и фискальная значимость крепостных дел: «вышепомянутую полату, в которой ныне те [крепостные] дела управляются, писать приказом крепостных дел для того, что и в других приказах есть других дел ведомья приказы, а имянно при посольском приказе княжества смоленского и друга, а крепостныя дела — дело всех городов и збор денгом многих тысяч. И из розряда и из приказов и концелярей по государевым и челобитчиковым делам к обер инспектору в указах пишут приказом же крепостных дел»¹²². Иными словами, стремясь обосновать необходимость присвоения данному комплексу административных и судебных действий статуса приказа, Курбатов ощущал потребность в использовании абстрактной

¹²² РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122. Л. 49 об. — 50.

институциональной логики, хотя и облекал ее в конкретную форму. Мы видим здесь важную черту стиля мышления деятелей петровского времени, отличавшую их от предшественников. В московскую эпоху личностно-иерархическая аргументация пользовалась полной легитимностью во всех сферах управления, что подметил еще А.Д. Градовский¹²³. Напротив того, одной из характерных черт мировоззрения, а зачастую и поведения Петра I было, как известно, предпочтение «дела» лицам, и, как видно на примере Курбатова, сотрудники царя волей-неволей усваивали этот принцип, по крайней мере на языковом уровне, проявляя, как отмечал В.М. Живов, своего рода языковую лояльность¹²⁴.

Боярин Т.Н. Стрешнев, руководитель Разрядного приказа, одной из функций которого являлось решение всех спорных вопросов, связанных со статусом государевых слуг, согласился с доводами Курбатова и приказал, чтобы начиная с 21 октября 1707 г. Палатка на Ивановской площади фигурировала во всей корреспонденции Разрядного приказа как «Приказ крепостных дел». За отсутствием в нашем распоряжении именного указа (какового, по всей вероятности, никогда и не существовало), эта дата должна считаться днем официального основания главного административного творения Курбатова.

По выражению самого Алексея Александровича, крепостное дело было «делом всех городов». В каждом крупном населенном пункте он планировал учредить подьячих и надсмотрщиков крепостных дел. Курбатов понимал, что успех крепостного дела зависит в первую очередь от двух факторов: с одной стороны, исполнители на местах должны находить интерес в добросовестном выполнении предписанных им обязанностей; с другой стороны, население должно видеть выгоду в том, чтобы обращаться к их услугам.

В том что касается мотивации населения, Курбатов действовал методом (большого) кнута и (маленького) пряника. В глазах правительства крепостное дело являлось прежде всего средством «пополнения его, великого государя, казны». Поэтому регистрация крепостей рассматривалась властью не как факультативная услуга со стороны администрации — поданным, а как обязанность последних. По предложению Курбатова Петр I не просто подтвердил отказ власти давать суд по незарегистрированным актам (тенденция, уже получившая частичное законодательное оформление в Уложении 1649 г.), но вовсе запретил поданным — под угрозой

¹²³ Градовский А.Д. Собр. соч. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. С. 69.

¹²⁴ Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 17, 67–73.

штрафа — письменную фиксацию каких бы то ни было договоренностей без объявления о них представителям власти и уплаты пошлин. При всем этом, однако, Курбатов не был примитивным фискальным хищником и задумывал крепостное дело как нечто большее, чем очередной набор с населения, не сопровождаемый оказанием никаких услуг. Формулируя обязанности надзорщиков, или надсмотрщиков, крепостных дел, он старался учесть не только интересы казны, но и, хотя бы отчасти, интересы подданных. Так, кроме правильного взимания пошлин, надсмотрщикам полагалось «познавать во всяких крепостях всеваемые от ябедников плевелы»¹²⁵, т.е. отслеживать попытки обмануть клиентов или нарушить коронные интересы¹²⁶. К сожалению, нет оснований полагать, что учрежденные Курбатовым надсмотрщики лучше справлялись с этой функцией, чем их предшественники, площадные подьячие. В результате, по сравнению с периодом площадного письма, при Курбатове возникла только одна действительно полезная для населения услуга, заключающаяся в возможности получения заверенной выписки из книг записи крепостей в случае утери владельцем оригинала акта¹²⁷. Некоторым утешением для подданных могло служить лишь то, что Курбатов не стремился к массовым преследованиям нарушителей закона об обязательной регистрации всех актов (или не имел для этого возможностей).

Что же касается мотивации служителей крепостных дел, Курбатов придерживался революционного для России убеждения, что лучшее средство для привлечения на службу квалифицированных и честных исполнителей и для профилактики должностных злоупотреблений, пагубных для интересов казны, — это регулярная выплата жалованья не в символическом, а в достаточном для поддержания безбедного существования размере. Петр придет к этой мысли в период разработки коллежской реформы. Курбатов же осуществил ее в отношении московских подьячих крепостных дел значительно раньше, пользуясь тем, что в богатом столичном городе объем доходов от крепостных дел позволял проводить такую политику. Тридцати служителям, выбранным Курбатовым, «было положено жалование немалое» — от тридцати пяти до семидесяти рублей в год.

¹²⁵ Указ от 30 января 1701 г. // ПСЗ. Т. IV. № 1833.

¹²⁶ Кроме того, поступающая от надсмотрщиков информация позволяла Курбатову следить за выгодными предложениями на рынке недвижимости, будь то в интересах казны или своих патронов (см.: док-т № 103).

¹²⁷ Помимо этого, можно предположить, что наличие крепостных книг позволяло, как бы мы сказали сегодня, следить за состоянием рынка недвижимости, облегчая оценку собственности, когда в этом возникла необходимость, как случилось в 1703 г., когда Ф.А. Головин поручил Курбатову купить двор (см.: док-т № 56).

Бедность подавляющего большинства российских провинциальных городов делала невозможным повсеместное воспроизведение этой модели. Тем не менее Курбатову удалось организовать регистрацию актов и сбор пошлин по меньшей мере в 97 населенных пунктах (в центральных городах уездов и, реже, в «пригородах» и крупных селах).

Общее число служителей у крепостного дела, по самой скромной оценке, значительно превышало 300 человек. За их деятельностью требовалось постоянно следить, с одной стороны, защищая интересы казны, а с другой — ограждая население от чрезмерных поборов, чреватых социальными конфликтами. Курбатов пользовался старинными испытанными методами: посылка нарочных из Москвы для выколачивания задолженностей по податям и разбора жалоб населения; денежные награждения из казны за особое рвение в исполнении служебных обязанностей; систематический контроль письменной отчетности¹²⁸. Лишь одна черта в управленческом стиле Курбатова являлась нетрадиционной и даже в чем-то предвосхищала тенденцию, которая стала знаковой для Петровских административных реформ последней трети царствования. Московские приказы на протяжении двух с лишним веков опирались на неписанные нормы делопроизводства, которые передавались из поколения в поколения путем обучения молодежи на практике. Курбатов, напротив, сделал ставку на письменную регламентацию крепостного делопроизводства¹²⁹. Более того, он требовал, чтобы правила делопроизводства, касающиеся интересов населения, были постоянно вывешены для сведения публики: «где <...> те крепостные дела будут, в том месте, с сих статей выписав, для ведома всяких чинов людям, прибить на стене за дьячьею приписью, чтобы всеконечно в крепостных делах всяких чинов людям никакова задержания и волокиты и, кроме вышеписанных статей, лишних убытков не было»¹³⁰.

Управление столь обширным хозяйством, каким стало, благодаря Курбатову, крепостное дело, не полностью удовлетворяло амбиции

¹²⁸ Подробнее о методах и результатах управления крепостными делами см.: Жуковская А.В. От поручения к учреждению... С. 339–368.

¹²⁹ См.: именной указ, данный Разряду, от 30 января 1701 г.; наказ, данный из Оружейной палаты крепостных дел подьячим, от 7 марта 1701 г.; боярский приговор от 30 апреля 1701 г.; боярский приговор от 28 марта 1702 г.; боярский приговор от 1 марта 1703 г.; боярский приговор от 15 декабря 1703 г.; именной указ, объявленный из Оружейной палаты, от 6 ноября 1705 г.; именной указ, объявленный из Ратуши, от 15 апреля 1706 г.; именной указ, данный Ратушскому правлению, от 6 октября 1707 г.; именной указ, состоявшийся в Ратуше, от 25 октября 1707 г.; именной указ, состоявшийся в Ратуше, от 28 октября 1707 г.; именной указ, состоявшийся в Ратуше, от 3 ноября 1707 г.; именной указ, состоявшийся в Приказе крепостных дел, от 3 декабря 1707 г.; приговор Ратуши, объявленный Приказу крепостных дел, от 16 марта 1709 г.

¹³⁰ Указ от 30 января 1701 г. // ПСЗ. Т. IV. № 1833.

Алексея Александровича — он постоянно искал, на что бы еще направить свою энергию и способности. О его деятельности в таких областях, как пресечение коррупции среди мастеров золотых и серебряных дел или строительство цейхгауза, говорилось выше. Помимо этого, Курбатов внес значительный вклад в область образования, совершенствование которой также сулило государству «прибыль», пусть не фискального, но культурного характера.

Навигацкая школа

В 1700 г. Курбатову удалось взять под свой контроль реализацию одного из проектов Петра, который царь, «мореплаватель и плотник», считал особенно важным: создание первого в России нецерковного учебного заведения — Школы математических и навигацких наук¹³¹.

В ноябре 1699 г. (т.е. всего через две недели пожалования Курбатова в дьяки) Оружейная палата получила указ «ведать» трех англичан-математиков, которых Петр лично нанял в Лондоне, с мыслью об устройстве в Москве школы навигации. Англичане рассчитывали опереться в этом деле на помощь своего соплеменника А.Ю. Кривета, который служил в России с 1649 г., был лично известен Петру и сыграл заметную роль в строительстве в 1696 г. воронежского флота. В своем челобитье царю учитель Генри Фархварсон со своими юными помощниками Стивенем Гвином и Ричардом Грейсом просили назначить Кривета «для надсматривания и управления <...> у тех наших наук <...> чтобы тех учеников, которые будут, в подобострастии держать», подчеркивая, что «нам, холопам твоим, без него <...> не управиться». В ответ последовал именной указ от 14 января 1701 г., в котором велено быть преподавателями «англинские земли урожденным: математической науки Андрею Данилову сыну Фархварсону, навигацкой — Степану Гвину да Рыцарю Грызу»; учеников предписывалось набрать из «добровольно хотящих», иных же отдать туда «и со принуждением», причем ученикам определялось содержание, смотря по успехам в учении, по пятнадцать копеек и меньше в день.

Деньги на нужды школы повелевалось отпускать из доходов Оружейной палаты. Бюджет палаты к этому моменту уже находился под присмотром Курбатова и пополнялся благодаря продаже «изобретенной»

¹³¹ Основными источниками для настоящего параграфа послужили исследования Игоря Федюкина: *Федюкин И.И.* Роль административного предпринимательства в петровских реформах: Навигацкая школа и позднемосковские книжники // *Российская история.* 2014. № 4. С. 80–101; *Федюкин И.И.* Проектеры... Гл. 2. С. 104–146.

им гербовой бумаги. Этого оказалось достаточно, чтобы Алексей Александрович счел вполне естественным принять Навигацкую школу под свою опеку. По всей видимости, Курбатов был не просто осведомлен обо всех этапах, предшествовавших появлению указа о создании школы, но и принял участие в его редактировании: нехарактерная для петровского законодательства высокопарная риторика, использованная в преамбуле указа, очень напоминает стиль Курбатова.

Первые успехи в организации школы заставляли себя ждать, ибо Кривету не удавалось набрать учеников. Узнав о возникшем затруднении, Курбатов поспешил полностью взять дорогое царскому сердцу дело в свои руки. Для этого требовалось вырвать инициативу у Кривета, и Курбатов прибег к своему излюбленному средству — личному письму на имя царя: «О навигацких, государь, науках ведаю ревность твоего самодержавия и мно сему делу произыти во пользу православно[го] христианства. Но точию вижду, государь, что начаток сему делу происходит в медлении. Признаваю же в том *многому помешательству быти от Кривета*, желающаго чрез их заслуженное имети себе прибыток. Молю тя, государя, *повели мне усердственно во усмотрении сего дела тебе, государю, послужити*, да размножится в твоём самодержавии преславное во свете сие дело»¹³². По-видимому, Петр согласился на просьбу Курбатова, поскольку уже через неделю после этого письма Оружейная палата начала платить «кормовые деньги» первым семи ученикам. В течение последующих двенадцати месяцев было набрано двести учеников, и Курбатов перенес внимание на обеспечение их геометрическими инструментами и учебниками, на проблему найма переводчика учебных пособий с латыни, на наблюдение за успехами учеников и разбор конфликтов между учителями¹³³.

В управлении Навигацкой школой Курбатов опирался не на иностранных учителей, а на своих клиентов. Вышеупомянутые Иван Хрипунов и Федор Обухов уже в 1701 г. оказались привлечены к административным делам школы. Но главную ставку Курбатов сделал на Леонтия Магницкого. Первоначально Магницкий был зачислен в школу в качестве ассистента («во учении помоществователем»). Однако Курбатов последовательно и настойчиво продвигал его в учителя. Из троих англичан только Фархварсону удалось заслужить одобрение Курбатова. Молодых Гвина и Грейса (им было на тот момент соответственно 20 и 23 года от роду) Курбатов подверг резкой критике. В своих докладах Головину он неоднократно обвинял их

¹³² А.А. Курбатов — Петру I, 22 июня 1701 г. (док-т № 6).

¹³³ А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 16 июня 1702 г. и 9 сентября 1702 г. (док-ты № 21 и 31).

в лености и подчеркивал, что лишь благодаря усердию Магницкого нерадение англичан не наносит ущерба успехам учеников:

агличена учат их той науке чиновно. А когда временем и загуляются или по своему обыкновению почасту и подолгу проспят, имеем по приказу милости твоей определенного быти им, учеником, во учении помоществователем Леонтия Магницкого, которой непрестанно при той школе бывает и всегда имеет тщание не только к единому ученикам в науке радению, но и ко иным к добру поведениям. В чем те агличена, видя в школах ево управление не последнее, обязали себе к нему, Леонтию, ненавидением, так что уже просил он, Леонтий, от частаго их на него гневоимения от школы себе свободности. Однако ж я, ведая, что ему их ради гневоимения от школы свободну быти не доведется, приказал ему о всяких поведениях сказывать до приезда Вашей милости мне. И я, приусматривая, что он приносит о порятке совершенном, призвав их в полату и сам к ним езда, почасту говорю. А дело, государь, из них признал я совершенное в одном Андрее Фархварсоне. А те два, хотя и навигаторы написаны, только и до Леонтья наукою не дошли¹³⁴.

Особенно неудовлетворительным представлялось Курбатову поведение Грейса: «Учители учат нерадетелно. А меньшей, государь, учитель Рыцер Грейс ни к чему негодной и в непостоянтсве всяком и в плутовстве блядни и учеников потворствует»¹³⁵. В учении, полагал Курбатов, уже давно произошла бы остановка, если бы не Магницкий, с «тщением безленостным» которого якобы связано первое достижение школы — готовность отправить шестерых навигаторов в следующую весеннюю кампанию на корабли. При этом Курбатов прямо указывал Головину, что использует Магницкого как своего агента в школе: дьяк получал от него доклады о положении дел, а затем на основании этих докладов давал указания и наставления британцам. Магницкий расходовал деньги на покупку для школы припасов, ему адресовалась переписка со школой по дисциплинарным вопросам (побегам и опозданиям учеников, наказаниям). Весной 1702 г., когда шло массовое зачисление учеников в школу, Курбатов адресовал сопроводительные письма из Оружейной палаты лично Магницкому, в обход англичан: «...бил челом в ученики Печатного приказа подьячий Федор Васильев и челобитную подал, и по челобитной велено отослать его в школу, и ты, Леонтий Филипович, изволь ево принять»¹³⁶.

¹³⁴ А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 16 июня 1702 г. (док-т № 24).

¹³⁵ А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 28 августа 1702 г. (док-т № 30).

¹³⁶ Цит. по: *Федюкин И.И.* Роль административного предпринимательства... С. 90.

Курбатов позаботился также о том, чтобы честь авторства первого изданного в России учебника математики, а также часть дохода от его продажи достались его подопечному. Всего через месяц после подписания указа об основании Навигацкой школы Курбатову удалось добиться того, чтобы Магницкому было поручено подготовить «на словенском диалекте, избрав от арифметики и геометрии и навигации, поелику возможно, годную к тиснению книгу»¹³⁷. Однако Курбатова беспокоила конкуренция со стороны «некоторого иноземца», получившего царское позволение на издание книги по арифметике и, едва дождавшись окончания первой части рукописи Магницкого, Курбатов послал ее Петру, умоляя оценить ее достоинства и оказать ей предпочтение перед книгой иностранца:

Еще к сему доношу тебе, государю: просил милости у тебя, государя, некоторый иноземец, чтоб ему печатать книги арифметики. И указ твой, государев, состоялся, печатать ему велено своими харчи и прибыль от того иметь себе. Которую ево книгу брал я к себе и казал искусным во арифметике и геометрии Леонтию Магницкому с товарищи, которого я о ведомости книги некоторыя посылал к тебе, государю, в Новгород. Сказали, что та ево иноземцова книга преведена на славенский диалект зело неисправна, и разуметь невозможно, и дивных вещей в ней нет. И по моему, государь, убогому старанию он, Леонтей, сочиняет у *меня в доме* с латинских и немецких многих книг от своего учения «Арифметику», в которой, сказал, что будет изъяснение по части о геометрии и навигации. И набело, государь, той книги написано уже в десять мелким письмом добрым 13 тетратей. Видится, государь, зело искусно, и много тое книгу иноземцову во всем превосходит. Благоволи, государь, тех тетратей посмотреть и повелеть по совершении печатать, от чего прибытков будет твоей, государевой, казне, а не иноземцу тому. А за труды ему, Леонтию, с товарищи изволишь от того собрания пожаловать некоторую часть малую¹³⁸.

Рукопись была подготовлена в рекордно короткий срок, и Курбатов позаботился об изготовлении для Петра специального подносного экземпляра. Алексей Александрович был настолько уверен в таланте Магницкого, что запустил в печать гигантский по тем временам тираж в 2400 экземпляров, финансировал его на собственный страх и риск из средств подведомственного ему учреждения, все той же Оружейной палаты. «Арифметика» вышла в 1703 г. и стала первым ярким свидетельством

¹³⁷ Указ от 22 февраля 1701 г. Цит. по: Федюкин И.И. Роль административного предпринимательства... С. 95.

¹³⁸ А.А. Курбатов — Петру I, 22 июня 1701 г. (док-т № 6).

успехов Курбатова в создании Навигацкой школы. На протяжении последующих шестидесяти лет «Арифметика» Магницкого оставалась единственным учебником по математике, написанным российским автором¹³⁹.

К 1705 г. Навигацкая школа — это уже школа не столько Фархварсона, сколько Магницкого: в списках выпускников показано 30 учеников, которые «совершили науку навигации у иноземца Андрея Фархварсона с товарищем», и 34 человека, которые «совершили науку навигации» у Магницкого. Курбатов и Магницкий полностью сосредоточили управление Навигацкой школой в своих руках, не только не позволив Фархварсону стать действительным ее руководителем, но и сильно потеснив его в вопросах преподавания. В деле создания этого важнейшего в ряду Петровских культурных реформ учреждения царю принадлежали только замысел и первоначальная инициатива: по сути, личное участие Петра в организации школы ограничивалось тем, что он не помешал Курбатову захватить лидирующую роль, оттеснив от руководства иностранных специалистов.

Вместо заключения. Гражданин Курбатов

Давно известно, что ознакомление Петра I и его современников с разнообразными и отчасти противоречивыми принципами западной политической философии привело к модификации традиционного понятия «государство». Даже если на практике Петр продолжал вести себя как единственный легитимный выразитель интересов своего государства, интересы эти ни в его собственном представлении, ни в представлении некоторых его подданных уже не исчерпывались личными желаниями, убеждениями и устремлениями монарха. Между государем и государством встроилось понятие «общей пользы», «общего добра»¹⁴⁰. Однако историки продолжают спорить о мере абстрактности, которую обрело понятие «государство» в сознании россиян Петровской эпохи, и о степени его совпадения с концепцией «модерное государство»¹⁴¹. Собранное в настоящем издании эпистолярное наследие Курбатова представляет собой важный источник по этой теме, ибо дает редкую возможность

¹³⁹ Вплоть до появления трудов первого русского академика математических наук, члена Санкт-Петербургской академии наук С.К. Котельникова.

¹⁴⁰ Bugrov K.D. Moralism and Monarchism: Visions of Power in 18th-Century Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2020. Vol. 21. No. 2. P. 277.

¹⁴¹ Новейшее обсуждение этой темы, включающее краткую историографию вопроса, см.: *Poliskoy S. Translation of Political Concepts in 18th-Century Russia: Strategies and Practices // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2020. Vol. 21. No. 2. P. 245–265.

проследить на одном конкретном примере намечающийся процесс психологического превращения подданного из слуги государя в гражданина государства.

В период своей службы царю Курбатов всегда придерживался принципа, который был четко сформулирован им уже в одном из его первых писем Петру:

Ей, государь, кровию Христовою кленуся пред тобою, государем, что мое есть намерение такое: всех всячески *приводить в любовную к тебе, государю, усердность*, и о самой правде тебе, государю, доносить, и произыскивать всякия прибыли, о том всегда господа бога молю, да наставит и поможет мне в таком деле¹⁴².

До тех пор пока его отношения с царем оставались гармоничными, Курбатов продолжал видеть свой долг в достижении «полезного государствию самодержавия вашего» и не применял выражение «общая польза» и ему подобные, не ощущая необходимости в различении понятий государя и государства. Однако оказавшись в 1713 г. под следствием по обвинению во взятках, Курбатов обнаружил, что доверие царя к нему подорвано и что он сделался неугодным слугой, для которого уже «нет дела»¹⁴³. Во времена предшественников Петра Великого, Романовых и Рюриковичей, неугодному слуге, будь он князь, как Андрей Курбский, или простой подьячий, как Григорий Котошихин, оставалось только покинуть пределы царской вотчины — они не видели для себя пространства для существования в государстве, которое самодержец считал «своим» не в метафорическом, а в прямом смысле. Попав в аналогичную ситуацию, Курбатов сначала отреагировал сходным образом — замыслил бежать, пусть не за границу, а в монастырь:

Я чаю, вящше подвигло их на мя в ненависть, что мне обещано губернаторство, но ныне, буди воля государева, ей-ей, не то что оного желаю, но и *нынешней чин желал бы вседушевно оставить и уже работать богу*, яко же я издавна обещался, но не вем, како сие получить (боже, услыши)¹⁴⁴.

Постепенно, однако, Курбатов погружается в размышления и приходит к выводу, что пространство для существования такого подданного, каким он себя считает, т.е. опального, но честного слуги, в России есть — оно успело образоваться вокруг понятия общей пользы, т.е. пользы государства, нетождественного государю. Как пишет он кабинет-секретарю Макарову:

¹⁴² А.А. Курбатов — Петру I, 1701 г. (док-т № 10).

¹⁴³ А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 8 августа 1714 г. (док-т № 231).

¹⁴⁴ А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 26 октября 1713 г. (док-т № 217).

...хотя мне учинили беславие и привели во гнев его величество, от чего едва содержался во мне живот мой, но ныне, *разсудих*, и то все терплю бога ради, надеясь за мою к его помазанному и ко *всему государству* верность и труды получитьи воздаяние от его, божей, благодсти *вместо* царева воздаяния¹⁴⁵.

Петр I, которому историография не без оснований приписывает роль создателя в России «абсолютной» монархии, одновременно оказывается тем монархом, который вполне сознательно позволил сформироваться около себя зачаткам того, что мы сегодня называем публичной сферой, — пространства, где неугодный царю слуга мог существовать, надеясь на благодарность «всего государства» *вместо* государя¹⁴⁶.

Традиционная двучастная формула «богу работник, царю слуга», которой Курбатов подчинял свое существование на протяжении пятнадцати лет, проведенных на царской службе, расширилась за это время благодаря проникновению в Россию понятия политического гражданства¹⁴⁷. К концу царствования Петра для современников становится очевидным, что к традиционным значениям старинных русских слов «гражданин», «гражданский», «гражданство» (т.е. городской, относящийся к городу, невоенный, светский) добавился новый смысл. Становление этого нового смысла началось еще в XVII столетии, в частности в текстах наставника царских детей Симеона Полоцкого, который использовал старославянизм «гражданство» для перевода понятия *respublica*¹⁴⁸. Его закрепление в языковом узусе связано с усилиями идеологов петровского царствования передать на русском языке латинское выражение *potestas civilis* и понятие «политический» (πόλις = град, πολίτης = гражданский)¹⁴⁹. Это проявляется, например, в таком знаковом тексте, как «Слово на похвалу блаженных и вечнодостойных памяти Петра Великаго» Феофана Прокоповича (1725 г.):

Видевше тако, слышателие, каков Петр наш был в деле воинском, что надлежит к заступлению и расширению государства, посмотрим еще, каков и в

¹⁴⁵ А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 8 августа 1714 г. (док-т № 231).

¹⁴⁶ Редин Д.А. «Регулярное государство» Петра Великого // Культура духа vs культура разума: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках: колл. моногр. / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2022. С. 531–556.

¹⁴⁷ Бузров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та; Унив. изд-во, 2016. С. 57–120, 189–193 и др. Формирование современного значения слова «гражданин» начинается задолго до Радищева, которому современная научно-популярная литература приписывает его «введение» в России.

¹⁴⁸ Киселев М.А. Плутарх при дворе царя. «Гражданство» Симеона Полоцкого и легализм в России накануне Петровских реформ // Культура духа vs культура разума... С. 682–695.

¹⁴⁹ *Polskoy S. Translation of Political Concepts... P. 250, 252, 255–256.*

политическом или гражданском деле был, которую силу должен всяк государь иметь к управлению и исправлению своего отечества¹⁵⁰.

К концу Петровской эпохи «гражданин» — это уже не столько «житель города», сколько лицо, принадлежащее к населению государства и наделенное определенными обязанностями и правами. Симеон Полоцкий настаивал в своих текстах, что правителю-государю следует мыслить себя не как *владельца государства*, а как главу *гражданства*, который должен управлять *гражданами* на основании писанных *законов* и соблюдать их сам¹⁵¹. А русский перевод трактата Пуфендорфа «De officio hominis et civis juxta legem naturalem» («О должности человека и гражданина по закону естественному»), выполненный по приказу Петра, наставлял подданного русского царя, что, с одной стороны, он как «животное гражданское, или политическое» должен, конечно, повиноваться верховной власти: «Кто Гражданин бывает, тои свободу свою естественную погубляет и подчиняет себе повелительству, которое жития и смерти власть имать». Однако, с другой стороны, повинуюсь своему государю в «деле гражданском», подданный должен был одновременно заботиться о «пользе отечества»¹⁵².

Курбатов умер, так и не признав за собой вины (за исключением сравнительно мелких злоупотреблений, которые допускали все царские администраторы). Не имея возможности вернуть себе личное доверие своего государя, Курбатов продолжал настаивать, что не нанес ущерба «всему государству». Конфликт с царем оказался обстоятельством, которое разделило эти два понятия в сознании Курбатова. Неизвестно, интересовался ли Алексей Александрович политическими трактатами, которые активно циркулировали вокруг него в оригиналах и переводах. Несомненно, однако, что, хотя во время следствия и суда над ним Курбатов фактически перестал быть *службой царя*, он оставался в собственных глазах не только *работником Богу*, но и *добрым гражданином*.

¹⁵⁰ Феофан Прокопович. Соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 134.

¹⁵¹ Киселев М.А. Плутарх при дворе царя... Р. 693.

¹⁵² Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному: в 2 т. / рус. пер. 1726 г.; лингвистич. изд., словоуказатель, коммент. подгот. В.М. Круглова. Т. I. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 552; Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века: колл. моногр. / под ред. К.А. Соловьева. М.: НЛЮ, 2021. С. 311–331.

